

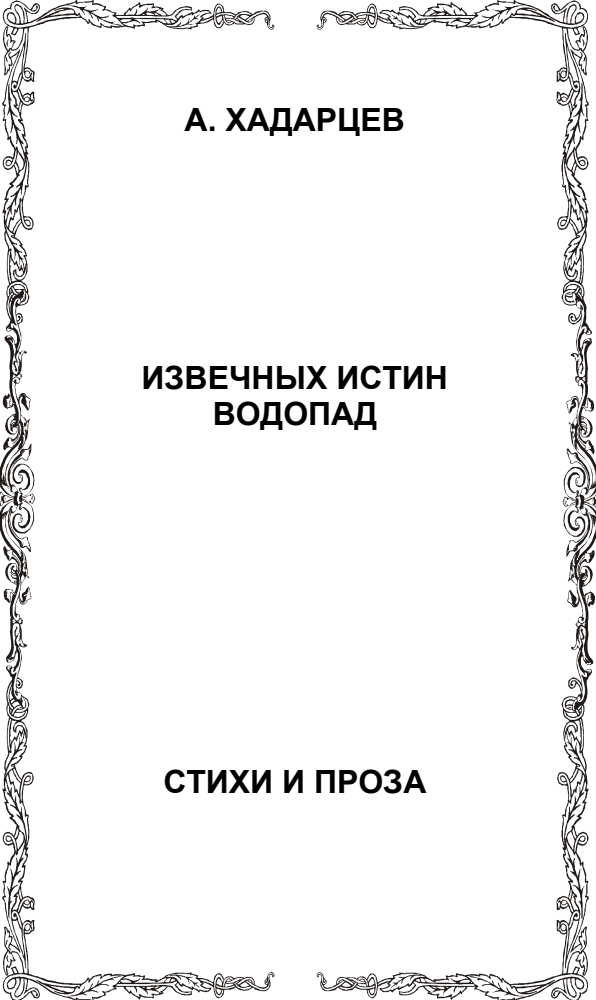


А.ХАДАРЦЕВ

ИЗВЕЧНЫХ ИСТИН ВОДОПАД

Стихи и проза

2002

A decorative rectangular border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

А. ХАДАРЦЕВ

**ИЗВЕЧНЫХ ИСТИН
ВОДОПАД**

СТИХИ И ПРОЗА



Творческий путь Александра Хадарцева, как поэта, измеряется всего тремя десятилетиями, а первая публикация подборки его стихов в альманахе «Ока» относится к 1990 году.

В 1992 году издаются сборники стихов «Что нарисую я на полотне...» и «Любви не найден интеграл», в 1993, 1995 и 1996 гг. – «Углы России забелил туман», «Не торопись остановить часы» и «Из Тульских засек голос мой», в 1997 г. – «Виртуальные надежды», в 1999 г. – «Витражей акварельные пятна», в 2001 г. – подборка стихов в альманахе «Прикосновение», а в 2002 г. – «У памяти преграды нет». Отдельные произведения напечатаны в газетах «Медицинская газета», «Тульские известия», «Тула вечерняя», «Тульская правда», «Жизнь Правобережья», переведены на болгарский язык в газете «Медицина» (София).

Хадарцев А. Извечных истин водопад.—
Тула: «Тульский полиграфист», 2002.— 132 с.

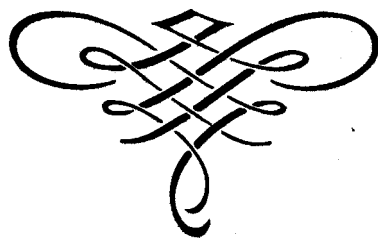
ISBN

© А.Хадарцев, 2002

© «Тульский полиграфист», 2002

A decorative rectangular border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

ЧАСТЬ I
ВОСПОМИНАНИЙ
ВЕТЕРОК...



ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРОК...

Труба зовет

Звонок в дверь. Открываю – стоит свояк Анатолий с виноватым видом: «Саш! Говорил с Горбуновым, просил тебя зайти. Может, что-нибудь стоит придумать, чтобы не забирали в армию?» (Евгений Иванович Горбунов – майор, чернский военком, и сейчас живет в Заречье). А год на дворе – тысяча девятьсот шестьдесят восьмой. Я уже на протяжении двух лет работаю терапевтом в районной больнице. Жена – там же, гинеколог, дочке – 3 года. Но Хрущев в свое время отменил обучение на военных кафедрах в ряде «периферийных» мединститутов. Тоже, видимо, искал возможность пополнить кадровый состав армии людьми с образованием. И вот в чем парадокс: после 3 курса я пытался перевестись из Северо-Осетинского госмединститута в Военно-медицинскую академию. Отказали в военкомате. Из-за зрения в кадровый состав – не годен! Правда, это не препятствовало прохождению действительной службы, после чего начальник Калининского (теперь и ранее – Тверского) госпиталя предлагал остаться в кадрах в должности – сначала старшего ординатора, затем начальника терапевтического отделения, что соответствовало званию подполковника–полковника (так назы-

ваемая «вилка»), в этом же госпитале. Значит, в Академию – нельзя, а сразу в кадры – можно?!

Да что говорить? Впоследствии призванный со мной одновременно специалист-дорожник, окончивший автодорожный институт, после шестимесячного обучения аэрофотосъемке в школе младших авиационных специалистов (ШМАСе), был отправлен дослуживать в часть свои шесть оставшихся до демобилизации месяцев. А расквартированная рядом саперная часть (военные строители) не имела ни одного специалиста-дорожника с высшим образованием. Строить дороги квалифицированно было некому. Командир саперов нашел общий язык с нашим командиром. Оба подписали рапорта по команде о согласии переподчинить нужного инженера, чтобы он год приносил пользу строительным войскам. Ответ был стандартным: «не пущать!». Так, научаясь фотографировать, молодой специалист разучивался работать по специальности, а по окончании службы был приписан по назначению, в саперы, в звании младшего лейтенанта. Таким же горе-фотографом отслужил еще один туляк – врач со стажем в один год работы. И тогда, и сейчас армейской логикой было отсутствие всякой логики.

На следующий день, и затем много дней подряд, майор Горбунов пытался найти хоть какую зацепку для отсрочки. Но уже надвигались 25 лет, до момента наступления которых

необходимо было решить: призывать или не призывать. Время было такое, что мало кто пытался, как говорят сейчас – «откосить» от призыва. Да и мне, сыну военного, участника войны, бывшего преподавателя Борисоглебского летного училища, даже и не мыслилось искать окольные пути.

Впоследствии этот период навеял слова, адресованные чернскому военкому.

А где он, чернский военком,
«кому не спится в ночь глухую»?
Ведь я и по нему тоскую,
сглотнув воспоминаний ком.

Стакан к заутрене подняв
вина конца шестидесятых,
майор был бесконечно прав!
Я это понял «во солдатах».

Он отправлял меня служить
за Тверь во исполнение долга.
В хмельном сочувствии души
глаза друзей смотрели волгло.

«Ведь ты меня... от жизни спас», –
страдал майор, скрипя зубами.
И водку пил, как летом квас,
матюя крепкими словами.

Десятки лет с часами пик
смешались в неподъемной чаше.
Майор из памяти возник,
как символ молодости нашей.

Не то, что пил! Мы пили все,
борясь со скучностью районной,
в Нечерноземной полосе
людьми и Богом обделенной.

Но, недостатков не тая,
достоинства не выдвигая,
он на посту своем стоял
апостолом в воротах рая.

Простой советский офицер...
Сейчас живет уже – «в запасе»
тем твердым знаком в слове «херь»,
которым наш солдат опасен.

В словах, суждениях – прост и прям,
газетным не чета червивцам...
И в убеждениях – упрям:
не ищет правды по столицам.

Закалка старая крепка.
Живи, майор, коль солнце светит!
Пусть не дрожит твоя рука
все двадцать первое столетье!

Конечно, получив подготовку по электрокардиографии (тогда довольно редкому исследованию в маленьких больницах, только входившему в каждодневную практику), настроившись на ведение научной работы, воспитание дочери – оставлять работу было не просто. Во время учебы в институте впервые на экраны вышел фильм «Коллеги», его герои были для нас неким образцом для повторения судьбы в мирных, хотя бы и трудных условиях. И, вдруг, – армия! Правда и здесь хотелось узнать что-то необычное, проверить себя в ситуации, когда командуешь не ты, а тобой. Когда надо исполнять приказы, не обсуждая их, сколь бы они не были нелепы.

Но, видимо, уже в то время закладывались ростки неприятия сложившихся устоев, переставших быть не обсуждаемыми. Очередные номера журнала «Юность» прочитывались залпом от обложки до обложки. А там – Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина, Евтушенко, Казакова, Мориц – молодые, соперничающие, остроугольные, непримиримые, рискованные, словотворческие, свежие! Это потом они зафиксированы в истории как шестидесятники. Слушали Галича, зачитывались Аксеновым и Солженицыным. Уже несколько лет зычно и хрипло пел на согласных не очень известный Высоцкий...

Побрив бороду и коротко подстригшись, я отправился на областной сборный пункт, находившийся около Московского вокзала. Там стригли всех «под Котовского» две неопрятно одетых парикмахерши, пользуясь одной и той же машинкой, лишь отряхивая ее после каждого призывника, не меняя серо-пасмурного цвета простынок, засовывая их за воротники одних ребят с волосами других. Когда на стрижку позвали меня, то, стараясь сдерживаться, пришлось громко и убедительно сказать: «В антисанитарных условиях я сам стричься не буду и, как врач, не могу позволить продолжать это безобразие в отношении других призывников! Прошу пригласить облвоенкома и представителя санэпидстанции. Парикмахеры обязаны не только менять после каждого призывника защитные простынки на стерильные, прошедшие через сухожаровой шкаф, но и обрабатывать сменные части машинок для стрижки волос. Иначе не избежен перенос инфекции и паразитов с одного человека на другого!» Облвоенкомом в то время был полковник Аполлонцев, впоследствии, лет через десять, ставший моим пациентом и добрым знакомым. Ему доложили о ЧП на областном сборном пункте. Приехал, кажется, кто-то из его заместителей. И, буквально через час, были привезены чистые простыни, сменные ножи для машинок, растворы

для дезинфекции. Притихшие было, призывники — загалдели и, по-моему, с удовольствием плюхались в кресла, расставаясь с волосатым покровом на голове. Лишился его и я, но отстоял от бритвы усы, обосновав это отсутствием запрета на их ношение в Уставе (правда, как и бороды, с которой расстался добровольно).

Ночь на деревянных, отполированных до сияния, двухъярусных нарах, была спокойной, как на второй полке в плацкартном вагоне. Утром мы нестройной толпой потопали к Ряжскому вокзалу. Подождав несколько часов, даже пообедав в воинской части, сели в выделенный вагон на поезд, направлявшийся на Тамбовщину, в городок Жердевку, где предстояло пройти так называемый «карантин» до момента принятия воинской присяги.

Туляков в роте было не очень много. С нами проходили курс молодого бойца ребята, предназначавшиеся для прохождения службы в спортивных ротах, мастера спорта по прыжкам с шестом, по регби. Отношения между всеми складывались нормальные. Ничего из ставшего потом обычным «дедовского» образа службы — не было и в помине. Привыкать к команде: «Рота, подъем!», быстрому одеванию, включая намотку портянок, заправке коек, пришиванию подворотничков, утренней зарядке, маршброскам, стрельбам — было не очень тяжело.

Дух соперничества и желание показать молодым, что ты, хоть и «дед» по возрасту (все-таки 25 лет против 18!), но «можешь» быть – и быстрым, и умелым, и исполнительным – придавали силы. Конечно, утомляла маршировка, выполнение уставных команд, подававшихся вперемешку с матом грузным лейтенантом, или бравым сержантом: «На – ле – ву! На – пра – ву! Ша – гы–ы–ым марш! Петя ...твою мать! Сено или солома? ...твою мать!». Зато команда: «Рота–а–а, отбой!» мгновенно вырубала всех. Но, памятуя о подъеме, складывалась аккуратно форма, портянки, – так, чтобы утром все это было за 40 секунд и быстрее одето и прилажено. Обучение стрельбе из карабина заключалось в трехразовом выходе на стрельбище, где отстреливалось по 5 патронов. Видимо, по тогдашним меркам для молодого бойца этого было достаточно. То ли патроны жалели, то ли берегли их для охоты на дичь... Не потому ли уже в наши дни министр обороны с завистью говорит о стрелковой подготовке афганских моджахедов, или чеченских террористов?

А солдатский срок постепенно продвигался к принятию воинской присяги. Как это было тогда, да, наверное, и сейчас, – этот день прошел торжественно. Было скучновато лишь после отбоя, вспоминался дом, не ограниченная в своей свободе гражданская жизнь...

Я опять пишу стихами,
 из стихов слагаю прозу,
а из прозы, собирая
 слов цветы – тебе дарю!
Все о чем с тобой мы знаем,
 все закаты, луны, росы,
и любимицу рассвета –
 пенно-алую зарю...

Изо дня в день – обычные солдатские будни с нарядами, работой на погрузке и разгрузке вагонов с мерзлым углем, муштрой на плацу. Прослышав о моей врачебной специализации, начали обращаться за помощью офицеры, прося проконсультировать своих чад и домочадцев. Посещая офицерские семьи, как бы возвращался к гражданской жизни, но это только расслабляло, заставляя еще более скучать по дому.

Наконец, были получены разнарядки в части Московского военного округа. Мне было предписано для дальнейшего прохождения службы явиться в воинскую часть 74326 «У», расположенную в г. Вышний Волочек Калининской области. Получив проездные документы, кое-как экипировавшись (по размеру не нашлось ни шинели, ни парадного мундира, поэтому одел рабочий бушлат и единственную

подошедшую гимнастерку), отправился через Москву к месту службы.

В те годы Вышний Волочек был известен на всю страну как город, в котором трудится Герой Социалистического труда ткачиха–многостаночница Валентина Гаганова, которую официальная пропаганда сделала героем своего времени. Прибыв на вокзал, расспросил прохожих о месте своего назначения. Оказалось, что воинская часть стоит обособленно в так называемом Красном городке, в 1,5–2 км от райцентра. Добрался туда пешком. Автоматические ворота КПП перекрывали въезд на территорию бывшего мужского монастыря. Были видны небольшие постройки, несколько кирпичных, по виду – новых зданий казарм, старинное, красного кирпича мощное здание многоглавого собора. Представившись дежурному по части, был направлен в роту постоянного состава, где и определился окончательно с будущим местом пребывания в течение года.

Оказалось, что ШМАС готовит специалистов для аэрофотосъемки, воздушной разведки, подчиняется ВВС Московского военного округа (МВО), а также является местом прохождения курса молодого бойца для команды 50, направлявшейся затем для несения службы в ГСВГ (группе советских войск в Германии). Командовал тогда ВВС МВО трижды Герой

Советского союза, известный всей стране генерал-полковник Иван Кожедуб, с которым потом мы встречались во время его прилета в часть с инспекторской проверкой. Командиром части был полковник Мясоед, заместителем – полковник Комаринский, заместителем по МТО (материально-техническому отделу) – подполковник Ягодкин.

Уже перед демобилизацией, в случайном разговоре, Комаринский спросил, где я жил в первые послевоенные годы. Узнав, что по месту службы отца – на Сахалине, даже расстроился, что раньше не удосужился спросить об этом. Выяснилось, что по окончании училища полковник (тогда – лейтенант) попал на Сахалин и начинал свою офицерскую службу под началом моего отца, находившегося тогда на генеральской должности инженера армии, будучи в звании капитана. Это было связано с тем, что в 1945 году на Южном Сахалине японцев уже не было, они перебравлись на о. Хоккайдо, сопротивления нашим войскам не оказывалось, и там дислоцировалась кадрированная (неукомплектованная, разворачиваемая только в период боевых действий) воздушная армия.

Детская память сохранила некоторые фамилии офицеров, которых знал Комаринский: генерал Белоконь, полковник Понизович, май-

ор Шарко... Долго вспоминали особенности сахалинской жизни. Мощные снегопады, перебивавшие на недели движение по узкоколейке от Южно-Сахалинска до Долинска, засыпавшие одноэтажные дома с крышами, когда приходилось прорывать тоннели от дома к дому. Зимние морозы, в которые школьники носили в варежках чернильницы-непроливайки, чтобы не замерзали чернила. Летнюю жару с буйным ростом ввысь всех трав, так, что лопухи достигали полутораметровой высоты (почти субтропическая скорость роста!) Весенний нерест лососевых (кеты, горбуши), когда воды в мелкой речке почти не видно и кажется, что русло заполнено выпрыгивающей рыбой, мчащейся в верховья на икромет. Берега реки усеяны краснорыбицей со вспоротыми брюшками, которую пацаны вытаскивают на берег с помощью самодельной остроги — вилки, привязанной к палке. Остатки брошенных японцами танкеток, с которых было удобно ловить рыбную мелочь. Лесные пожары на сопках, едким дымом и сильным туманом обрушивающиеся на поселок. Пожары зачастую связывались с умышленными поджогами леса бродячими группами японцев-диверсантов, изредка похищавших детей военнослужащих с целью обмена на военнопленных. Крушения самолетов из-за плохой ориентировки среди сопек, оставляющих на месте

падения металлические части, разбросанные по выгоревшим проплешинам. Фанзы из бумаги, реек и древесных опилок, сгоравшие во время пожаров целыми улицами. Корейцев, трудившихся, кажется, круглые сутки на своих делянках, покрывавших склоны сопок. Они выращивали на них огромных размеров овощи: огурцы вырастали до метрового размера, редиска – до полуметра, правда, вкуса не ощущалось никакого. И не только климат определял величину урожая. Делянки поливались разведенными водой фекалиями, которые вычерпывались из выгребных ям, часто украдкой, по ночам, и в бочках доставлялись к месту назначения.

Сахалин так и остался в памяти снежным и жарким, полусказочным и полувоенным. Где еще свиней кормили красной рыбой, погибшей при походе в верховья на нерест, устилавшей сплошь берега мелководных речек? Где еще можно было поесть дивного аромата котлет, приготовленных из такой свинины? А котлет из свежевывловленной кеты? А красной икры из маленьких бочонков, имевшихся на зиму в каждой семье? И это в то время, когда хлеб выдавали по карточкам. Однажды, потеряв недельный лимит таких карточек по дороге в магазин, я оставил семью без этого ароматного, необходимого продукта. А через неделю, сжимая в руках драгоценные кусочки бумаги, я бежал к

месту подвоза только что выпеченного хлеба, буханки которого доставлялись в деревянном ящике, обитом оцинкованным железом, на санях, тащившихся коротконогой лошаденкой. Конечно, хрустящая корочка и, особенно, уголок буханки – по дороге домой неизменно исчезали, растаяв во рту. На паек командному составу, офицерам, выдавалось вяленое мясо: либо оленина, либо медвежатина. Особую радость у детей вызывало сгущенное молоко, поставлявшееся из Америки по ленд-лизу. Оно было в 1,5 (или 2?)-литровых жестяных банках, в которых мы с младшей сестрой Ольгой, (родившейся на Сахалине в 1947 году и в возрасте нескольких дней уже перелетавшей с нами из одного конца острова на другой), проделывали гвоздиком дырочки и периодически наслаждались своеобразным ароматом и сладостью. Бабушка удивлялась и сетовала на американцев, закупоривающих «неполные» банки. Ну и, конечно, поступала периодически известная всем свиная тушенка, также в больших банках. Правда, все эти яства выдавались на длительный срок, свежего мяса или яиц – достать было практически невозможно, да и стоили они неподъемных для семьи денег. Но даже в самые голодные послевоенные времена армия снабжалась неплохо. Голодных обмороков у летчиков (как в наше недавней памяти время) быть

не могло, поскольку все необходимое, даже шоколад, выставлялось в офицерских столовых перед полетами не только в мирное, но и военное время.

Уже в конце шестидесятых перед моими глазами разворачивались совсем иные картины. Но об этом – чуть позже.

Освоившись в роте, пришел в лазарет для знакомства с начальником медицинской службы вышневолоцкого гарнизона. Им был майор Шая Аронович Школьник. Худощавый, с резкими движениями, постоянным подергиванием руками, как бы поправляющими китель. Подоброму выслушав историю моего появления в армии, он сразу наметил основные вехи службы в части. Прежде всего, им было дано представление, и меня зачислили на должность заместителя командира взвода-инструктора, присвоено звание младшего сержанта (к концу службы пришлось дослужиться до старшего сержанта). Шая Аронович правильно предусмотрел возможные будущие сложности с зачислением в стаж по специальности времени пребывания на службе, поэтому была оформлена справка, что, работая в должности замкомвзвода-инструктора, я выполнял функции врача-специалиста. Рутинная служба не давала возможности майору отлучиться для обследования и лечения в госпитале перед уходом в запас.

Поэтому он, после знакомства со мной и 2–3 месяцев совместной работы, на длительный срок уехал в Калинин на обследование, возложив на меня свои обязанности по приказу. Этот милый по сути человек выглядел со стороны занудой и придирой. Он говорил: «Александр Александрович! Надо десять раз перепроверить, как исполняется порученное кому-нибудь дело. Никому не верьте, даже себе. Все равно чего-нибудь забудете и сделаете не так». В справедливости его слов пришлось убеждаться постоянно.

Первым серьезным испытанием был осенний призыв, когда сотни ребят из Азербайджана и Узбекистана были доставлены в Калининскую губернию. Промозглая погода, большая влажность, низкая температура – оказали свое губительное воздействие. Начала расти заболеваемость, отвечать за которую приходилось почему-то медслужбе, а не головотяпам в центре, мановением указующего перста перебрасывающих людей с севера на юг и наоборот. На смену солдатам с потертостями ног (от портянок) и чесоткой – в стационар стали поступать больные с пневмониями. Было зарегистрировано также несколько случаев экссудативного плеврита, с быстро нарастающей экссудацией (накоплением жидкости в плевральной полости). При обнаружении жидкости на уровне вто-

рого ребра, в соответствии с жизненными показаниями, проводились плевральные пункции, жидкость удалялась, назначалось соответствующее лечение, а затем осуществлялась транспортировка во фтизиатрическое отделение Калининского военного госпиталя. Внезапно оттуда в часть нагрянула комиссия с задачей разобраться: кто такой посмел делать плевральные пункции, когда их умеет выполнять только начальник фтизиатрического отделения госпиталя? Почему не осуществляется транспортировка сразу в госпиталь? А также было дано распоряжение наказать виновных. По приезде комиссия получила от майора Школьника исчерпывающие разъяснения. Было указано тем не менее на необходимость прекратить проведение пункций плевральной полости. Пришлось в достаточно резкой форме ответить, что даже если мне будет грозить трибунал — при наличии уровня плевральной жидкости, угрожающего жизни больного, пункции все равно будут проводиться, ибо отказ от них — это неоказание помощи и уголовное преступление. Установки армейские не должны быть главнее общечеловеческих принципов.

Исход проверки мог стать непредсказуемым. Официально в части не было рентгенолога, хотя был рентгеновский аппарат, на котором работали сотрудники госпиталя при осмотрах.

Было выдвинуто обвинение в отсутствии динамического контроля уровня жидкости в плевре. Тогда пришлось показать серии рентгенограмм, которые делались по показаниям, регулярно. Имея некоторый опыт работы с техникой, мной были освоены и рентгеноскопические и рентгенографические исследования. К счастью, среди медсестер (в основном – жен офицеров) была прошедшая когда-то специализацию рентген-лаборант, поэтому велась необходимая документация и пополнялся архив снимков. Убедившись в наличии динамического наблюдения, представитель госпиталя высказал лишь удивление, зачем это я работаю на рентгеновской аппаратуре? «Служил бы себе спокойно оставшиеся месяцы. Солдат спит, а далее все понятно...»

Уехали визитеры с чувством исполненного долга, и больше претензий к работе я не имел. Однако повторные беседы с представителями госпиталя оказались не напрасными, поскольку спустя несколько дней в часть был доставлен электрокардиограф, присутствие которого я мотивировал необходимостью углубленного осмотра солдат команды 50. Помогло и наличие удостоверения специалиста-электрокардиографа.

На УАЗике приходилось выезжать в городские аптеки, добывая необходимые медикаменты. Из-за стекол вглядывалось в меня северное

лицо природы, отличное от средне-российского. Вспоминалось радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», зафиксировавшее особенности этих мест, а также эпитафия из Тредиаковского: «Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй». Сейчас жалею, что никогда не вел дневников, не делал путевых заметок. Разве потом, когда упрятывал происходящее вокруг в стихотворные строчки:

Листья желтые. Ветки мокрые.
Все обыденно. Все осеннее.
В грязной жиже лягушки дохлые,
Русь – старинная, Русь – Есенина.

Называем столетья по-разному:
век наш атомный, век космический.
Но название векам – дело частное,
только Истина – историческое.

То же небо измазано тучами,
и все также вороны каркают.
Люди – стали немножечко лучше,
а дожди – знай: то льют, то капают.

По стогам, по лесным полянам
хлещет ветер водой холодной –
по колхозникам, по крестьянам,
и по сытым, и по голодным.

По столетьям, по тысячелетьям,
по коричневым, желтым, белым...
Старикам и юнцам, и детям
дождик осени моет тело.

Мир очищенный, Русь умытая –
Каждой осенью обновляются.
Стынет грязь в колее разбитой,
Да от ветра изба шатается

А при возвращении в часть – бросалось в глаза какое-то запустение, нежизненность, ущербность бытия. Старое – существовало, ветшая, разрушаясь и ржавея, новое – не ощущалось никак. Так по пути в Торжок видел старую церквушку, «памятник архитектуры, охраняемый государством», в которой размещался склад ядохимикатов. Кошунственно розовели россыпи ядов, шуршали разорванные пластиковые мешки, а случайный луч солнца вдруг высвечивал нетленной красоты лик, написанный искусным мастером, уже наполовину изъеденный ядовитыми парами, но потрясающе живой, исполненный величия и святости.

В самом Волочке основное время проходило в периметре части, где в старых монастырских зданиях располагался наш лазарет, рядом с которым мощной громадой высился старый собор, который, со слов старожилов,

неоднократно пытались взорвать с целью увеличения территории и получения кирпича. Но мастера времен Екатерины II, или чуть позднее, не на словах, а на деле умели делать вечный известковый раствор на белках яиц. Своими глазами видел глыбы кирпича в виде монолитов, разбросанных взрывом по сторонам, но нигде зона раскола не приходилась на швы между кирпичами, которые сами раскалывались в разных местах, но швы – никогда. Кстати, по преданию, между мужским монастырем в Красном городке и женским монастырем в самом Волочке был прорыт подземный ход. При чем рыли его с обеих сторон монахи и монашки. Рылся ли он для укрытия монашества при нападениях врагов, или для тайных свиданий – никому не ведомо. Но уже в мою бытность обследование этого потайного хода, обложенного кирпичом, имеющего на всем протяжении несколько боковых комнат, позволяло использовать его в качестве бомбоубежища. И глубина залегания была достаточной, и кладка ничуть не пострадала от времени.

Тоскливая, дождливая, раздуваемая ветром осень – не влияла на настроение из-за каждодневной загруженности, разве что перед сном заставляла быть чуть-чуть сентиментальнее.

Маковки церковей заброшенных
проржавели до стропил.
Лик святого искореженный
укоризненно застыл.
Видит он глазами тусклыми
тот же город, тот же пруд,
и, как прежде, люди русские
в стельку пьяные идут.
Неба серое полотнище,
над крестами – воронье,
на сто верст одни болотища,
да прокисшее жнивье.
Зябкость холода осеннего,
мокрость луж, дождя поток,
злого ветра песнопения –
вот какой он, Волочек!

И тут случилось ЧП! Внезапно пропал рядовой роты постоянного состава. Не явился из увольнения, что обнаружилось после вечерней поверки. От таких случаев застраховаться ни в одной армии не удастся. А наши солдаты находятся в самых аскетических условиях. Им все запрещено! А они – молоды. Им хочется любви и приключений. Вышний Волочек – ткацкий городок, в котором мужчины нарасхват. Вероятность, что любого солдатики завлечет к себе в гости какая-нибудь бойкая ткачиха – велика. А, когда после танцев, употребления спиртно-

го, удастся проводить пышненькую и глазастенькую девочку до дома, временным хозяином войти в него, отведать домашних пирожков, да и остаться на всю ночь, невзирая на известные последствия, – какая уж тут гауптвахта остановит?

Но после утренней поверки, не обнаружив солдата, опросив сослуживцев, удалось выяснить именно такую ситуацию и даже адрес девочки, у которой мог заночевать пропавший. Наряд съездил к ней домой. Оказалось, что еще вечером солдат распростился с возлюбленной и направился в часть. Решено было прочесать местность между городом и расположением части. Две роты растянулись на местности, имея по 3–4 метра между каждым человеком. Спустя пару часов был обнаружен труп пропавшего военнослужащего в нескольких сотнях метров от периметра части. Солдат лежал на животе, на склоне бугра, поросшего кустарником, головой в сторону казарм. Став в полный рост, можно было хорошо различить строения, а ночью – огни в окнах (тогда еще не было Чубайсовщины и электричество не отключалось). Немедленно сообщено о случившемся в военную прокуратуру. Но день был выходным. Дежурный сказал, чтобы мы самостоятельно провели осмотр места происшествия и сделали соответствующие записи и фотографии. Что де-

лать? Пришлось вспомнить институтские познания в судебной медицине. При прохождении этого цикла студенты присутствовали при осмотре и описании мест убийства и самоповешения. Припомнив так же детективы от Шерлока Холмса до майора Пронина, удалось довольно подробно, может даже и излишне, описать место происшествия. Были сделаны фотоснимки трупа в разных ракурсах. Изложены вероятные причины случившегося. Главной задачей было – не упустить косвенных признаков насильственной смерти. Общий осмотр исключал травму, удушение и другие внешние воздействия. Не хотелось думать об отравлении. В дальнейшем, после судебно-медицинского исследования, подтвердилась высказанная версия: находясь в состоянии алкогольного опьянения, солдат возвращался в часть, но так как он опаздывал на вечернюю перекличку, то решил идти через поле напрямик. Светились огни военного городка, шел мелкий колющий снег, свистел ветер, но на душе было тепло от недавней встречи и выпитого вина. Только между тем местом, откуда им было решено срезать угол, и воинской частью – находилась поросшая кустарником ложбина, спустившись в которую терялись все видимые ориентиры, а небо было беззвездным из-за непроницаемых снежных туч. При осмотре места происшествия мы обра-

тили внимание на круговые следы по ложбине, хорошо видные на свежавыпавшем снегу. Солдат несколько раз прошел по своим же следам (так и в трезвом состоянии бывает в глухом лесу и в пасмурную погоду), затем догадался подняться на склон. Ходил он долго, устал, увидел огни части, понял, что почти дома, и от усталости и выпитого сделал непоправимую ошибку – решил прилечь и отдохнуть. Затем уснул. А холод и пронизывающий ветер довершили свое черное дело. Молодой восемнадцатилетний парень замерз по причине, описанной в многочисленных книжках. Он пожалел себя! Такое вот ЧП, в котором не виновата ни армейская служба, ни дедовщина.

В повседневной работе настали некоторые перемены. Из-за отсутствия майора Школьника и необходимости быть постоянно в лазарете, мне выделили маленькую комнату на его территории, на втором этаже, недалеко от дежурки, где стояла солдатская кровать. С этим помещением связано немало воспоминаний, как смешных, так и не очень.

На первом этаже, прямо под этой комнатой, располагалось караульное помещение. И вот, однажды, ночью меня внезапно будит стук в дверь. Вскрываю, но легкая задвижка под напором отлетела, дверь шваркнула об стенку и я увидел испуганные глаза подполковника Носова, дежурившего в тот день по части. Испуг

сменился радостью. Он бросился ко мне с восклицанием: «Жив, Сан-Саныч?!» Спрашиваю: «А в чем дело? Что стряслось?» Тогда он рассказал, что в караулке отдал команду «В ружье!». Один из караульных, узбек по национальности, вскочил и с усердием ударил прикладом карабина об пол. Вдруг раздался выстрел. Потолочные перекрытия хлипкие, а пуля из СКС прошивает рельс, поэтому, зная, что наверху нахожусь я, он со всем караулом помчался в лазарет. Мы тут же подошли к койке. На расстоянии десяти сантиметров от края ее, на уровне изголовья, в полу чернело круглое отверстие, как и в потолке – по ходу трассы полета пули. Пришлось срочно доставать спирт, как лучшее средство успокоения подполковника и «обмытия» удачного выстрела. Однако одним из тостов был: «За повышение «целкости» ворошиловских стрелков нашей части!»

Терпеть не могу зимнюю одежду! Потеет голова, непривычная к головному убору. Поэтому в части, кроме гимнастерки х/б, надетой на нательную рубаху, в любой мороз, даже при обслуживании солдатских лыжных соревнований, я никак не утеплялся. И спал всегда с распахнутым окном, благо, никто не подходил к дверям моей кельи, за которой завывал ветер и падал снег. Так, уснув крепко и спокойно, забыв задвинуть запорную щеколду, посреди ночи вдруг просыпаюсь от нечеловеческого женского крика. Выбрасываюсь из постели и вижу

в полутьме меловой белизны лицо дежурной медсестры, кстати, жены того самого подполковника Носова, который незадолго до того вторгся в мою комнатенку. Включил свет, набросил больничный серо-муругий халат, и пошел в дежурку, куда привели из роты больного солдата. И только потом медсестра смогла внятно рассказать о случившемся. Оказывается, она постучалась, чтобы пригласить меня на осмотр поступившего пациента, но я не отвечал, видимо, только что уснул. Тогда она приоткрыла дверь... Раскачивающийся за открытым окном фонарь наружного освещения желтым светом высвечивал мое лицо на подушке, руки были сложены на груди, как у покойника. Довершал картину густой снег, наметавшийся из окна белыми холмиками на стол, одеяло и усы. Дышу я редко, поэтому создалось недвусмысленное впечатление о кончине младшего сержанта и врача-специалиста. Сделав необходимые назначения, оказав помощь и госпитализировав пациента, дождались кипения чайника. Не спалось. Взял трубку телефона и позвонил Носову. Тот спросонья чуть не побежал за «тревожным» чемоданчиком. «Что там опять произошло?» Когда же узнал в чем дело, то пожалел, что до городка не на чем добираться, иначе непременно явился бы поднять мензурку спирта за семейную традицию – считать доктора усопшим.

Транспортные сны

К лазарету были прикреплены две машины. Одна – обычный санитарный УАЗик-буханка, другая – ГАЗ-66 (военный грузовик с обрубленным носом, с расположенным горизонтально рулем, мотором, высунувшем в кабину свой горб, разделявший водителя от пассажира, сзади которого располагался рычаг управления многоступенчатой коробкой передач). Все машины находились в гараже части, приезжая к лазарету по моей заявке. Но ГАЗ-66 был предназначен лишь на время проведения учений для перевозки имущества лазарета, поэтому все колдобины дорог выпадали на колеса УАЗика.

Водителем был Вася Копылов. Парень призывался с Украины, был ростом за метр девяносто, с длинными руками, неплохо сложен. При условии активных занятий спортом – стал бы отличным боксером. Но то ли молодость, то ли наследственные свойства тому причиной, только Васю прельщал особый вид «спорта». Уж очень он интересовался женской разнообразностью человечества! За время службы многие дочки офицеров побывали в его могучих объятиях. А перед увольнением ему удалось соблазнить чадо одного из заместителей командира полка, имея дальний прицел на получение возможных льгот по досрочному освобожде-

нию от службы. Маячила также и перспектива остаться в городе, имея крышу над головой и по жизни.

И, конечно, его любимым продуктом питания было мягкое, румяное, с мясными прожилками, слабого посола, источающее аромат чеснока, сало. А еще – черный, заварной, с запахом тмина хлеб (нынче вместо тмина его обсыпают кориандром). Да еще добрый стакан горилки.

В условиях солдатской службы удавалось добывать бутылку – другую пшеничной или сахарной самогонки. Доставляла ее обычно жена одного из старшин сверхсрочной службы (тогда, кажется, еще только вводилось звание прапорщика), работавшая сестрой-хозяйкой лазарета. Это была полная, краснощекая, сорокалетняя женщина, с веселыми глазами, которая умела не только заразительно смеяться, но и по-матерински относиться к солдатам, не допуская вольностей, а только намекая на них. Ее любимой частушкой была:

«У меня трусы в горошек, хороши да хороши.

Все ребята приставают – покажи да покажи!

Только ты, дурак большой, что не приставаешь?

У меня трусы в горошек. Ты не понимаешь?»

Но тот же Вася, рассчитывая на легкую победу, получил однажды пощечину, которая долго горела красной пятерней на его щеке после визита в каптерку. Больше такого не повторялось.

В октябре месяце, в ненастную погоду (дождь со снегом, ветер) получаю приглашение от подполковника Ягодкина – начальника МТО (материально-технического отдела) на день его рождения.

Подполковник был приятным собеседником и, несмотря на имевшие место служебные трения между нами, был отходчив и незлобен. Так, на состоявшемся летом спортивном празднике нашей части кто-то из солдат, обслуживающих громкоговорящий узел связи, врубив при появлении Ягодкина на футбольном поле на полный звук динамики, объявил: «А сейчас по просьбе подполковника Ягодкина исполняется его самая любимая песня!» И включил известную в то время мелодию с припевом: «Дай! Дай! Дай!». Громкий хохот всех присутствующих и соревнующихся ничуть не смутил офицера. Он смеялся вместе со всеми и на попытку капитана Сопельняка разобраться с виновным, попросил его не портить никому настроения.

Так вот, вызываю из гаража транспорт, к лазарету подруливает ГАЗ-66 (у УАЗика накануне было разбито ветровое стекло). За баран-

кой – улыбающийся Вася, который сразу просит о внеплановом увольнении. Мол, у него уже есть договоренность с одной из пассий о встрече, и, пока я буду в гостях, он успеет посетить очередную (к тому времени седьмую или восьмую) подругу. Соглашаюсь, потому что надеюсь пробыть на дне рождения не менее 2–3 часов, а Волочек – городок небольшой, а Вася – малый шустрый. Успеем до отбоя. Ибо, в случае задержки, старшина гаража может поднять тревогу из-за отсутствия машины и водителя.

Правда, к санитарной машине требования были менее жесткими, так как часто приходилось ездить в город, в Кашарово, и не всегда в дневное время, а в зависимости от необходимости. Да и Вася приспособился ночевать не в роте постоянного состава, а в одной из палат лазарета под предлогом быть всегда начеку при срочных поездках с больными солдатами на консультацию.

Как водится, день рождения затянулся часа на полтора сверх ожидаемого. Ягодкин позвонил в гараж, предупредил о возможной моей задержке. Уже перед окончанием пиршества дежурный по части по телефону предупредил подполковника о том, что объявлено штормовое предупреждение, но необходимости в присутствии юбиляра пока нет.

Я распрощался с гостями и вышел на улицу. Мело крупным снегом, а когда ветер стихал – снежинки хлопьями падали чуть наискосок, закрывая дальний обзор. Казалось, воздуха вокруг не было. Существовал только белый шатер из снега, перекрывавший все обычные городские источники света: фонари, окна, фары.

Темный параллелепипед машины стоял вплотную к частоколу, огораживающему дом. Молодец, Вася! Успел. Взбираюсь на высокую подножку, предчувствуя спокойный отдых до части под Васиных рассказы о его приключениях. Вот те на! Мой Василий пьян в баранку, на которой покоится его голова, источающая рвотный запах самогона. Все попытки разбудить, растолкать, отmaterить, отмордошлепать – без всяких признаков успеха! Вернуться в дом Ягодкина – подставить Васю, от которого пока невозможно получить разъяснений. Начнется расследование и так долгожданный им «дембель» может затянуться на неопределенное время.

Остается одно – попытаться самому довести машину до части, а там уж разбираться. Тем более, что штормовое предупреждение предусматривает закрепление самолетов на стоянках, во время которого могут быть всяческие травмы и в любую секунду реальна потребность в медицинской помощи. Еле-еле уда-

ется перетащить длинноногого Васю на свое сидение, несмотря на все попытки попасть огромным кулаком в потревоживший его кошмар. Раздался богатырский храп, а я стал усиленно вспоминать предыдущий опыт вождения.

Помню, в школе в 10 классе нас обучали этому. Изучал правила, на старом кряхтящем «газоне» раза три проезжал по городу Орджоникидзе (но по его окраинам, с незначительным в те поры движением), стараясь проскочить по краешку встречающихся канализационных люков. Однако, когда мне это удалось в первый раз, – раздался хрустящий скрежет и многоэтажный мат инструктора одновременно. Это я прозевал встречный грузовик, «умело» притершись к его борту. За рулем встречной, видимо, сидел такой же «опытный» шофер, потому что, остановившись, мы увидели только хвост газующей, удаляющейся со скрежетом и тарахтением машины. Да еще в 9 классе я достаточно быстро разбирал моторы автомобилей различных систем, проходя практику на мото-базе, где делался капитальный ремонт движков, и даже самостоятельно шабрил подшипники.

Но на таком монстре, как ГАЗ-66, все было необычным. Поскольку мотор тихо ворчал про себя (видимо, Вася его не стал выключать), я начал искать, где включается свет. Случайно тронул тумблер на торпедке (кажется, слева от

руля или посередине) – зажглась фара прожектора. В его луче виднее стала дорога, да и снег падал уже не так густо, разгоняемый подоспевшим сильным ветром. Выжал сцепление, перевел в какое-то мне неизвестное положение рычаг переключения передач. Отпускаю педаль. Машина дернулась назад, выдавив несколько досок штакетника из забора. Повторил маневр, передвинув рычаг в противоположную сторону. Машина рванулась необъезженным быком из родео (значит, попал на повышенную передачу!), но искать другое положение не стал и поехал по пустынной улице, регулируя скорость только педалью газа.

Наконец, последний поворот перед Красным городком. Далее – прямая дорога вплоть до КПП части. В свете единственной включенной прожекторной фары вижу фигурки караульных, увидевших приближающуюся машину. Замечаю также офицера с красной повязкой – дежурный по части. Ну, была, не была! Тормозить не буду! Даю протяжный сигнал и, не снижая скорости, еду на ворота с красными звездами, высунув руку из окна кабины и жестикулируя, подавая знаки открыть ворота. Видимо, машину узнали. Ворота отъехали в сторону и, прибавив газу, я ворвался на территорию части. Сразу за КПП и баней – поворот направо. Уверенный в благоприятном оконча-

нии путешествия и гордый своей водительской удачей, лихо кручу баранку вправо, но не рассчитываю (а, вернее, даже не думаю об этом) угол, и сминаю ограждающие бетонные столбики. Выбираюсь на прямую и в свете своей циклопией фары вижу выходящих из штаба офицеров, наклоняющихся вперед для противодействия нешуточному ветру. Проехав мимо, замечаю удивленное лицо командира части, его зама — полковника Комаринского, капитана Сопельняка. Они все собирались по тревоге и, видимо, только что расходились по домам.

Предчувствуя вероятные расспросы, торможу около лазарета, выпрыгиваю из кабины, распахиваю дверку с Васиной стороны, вытаскиваю его, взваливаю на плечи и быстро несую ко входу в лазарет. Там, в небольшом тамбуре, сваливаю его на пол, выхожу к машине. Из снежной круговерти вываливается запорошенная сверху донизу фигура капитана Сопельняка.

— Сан Саныч, что случилось?

— Да у нашего фельдшера Палкина кишечная колика или аппендицит, может быть придется везти в райбольницу. Копылов его сейчас поднимает наверх. Доложите командиру, что пока помощи не требуется, но машина должна быть под рукой, около лазарета.

— Позвоните дежурному по гаражу, предупредите его, я все доложу командиру.

Капитан затрусил в ночь, а я потащил Васю на второй этаж, уложил его в свободную палату, попросил медсестру понаблюдать за ним, дозвонился в роту постоянного состава, распорядился, чтобы ефрейтор Палкин немедленно был в лазарете. Когда тот, переваливаясь с ноги на ногу и дремля на ходу, поднялся по лестнице, я ему рассказал, что произошло. Почуть приоткрывшемуся левому глазу (Толя умел спать стоя) понял, что дальнейших разъяснений не потребуется. Палкин степенно прошел в палату, сбросил с себя гимнастерку, брюки (из-за пояса которых выпали портянки, не намотанные ленивцем на ноги), и немедленно захрапел, повалившись на койку.

Утром состоялся долгий разговор с Васей. Оказывается, мать претендентки на сердце и объятия Василия разогнала ловеласа из квартиры, прослышав накануне о его былых похождениях. Тогда обиженный Вася ринулся на «запасной аэродром», в общежитие ткачих, где его накормили, напоили, и полюбили. Вышел перебор, или водка оказалась чересчур крепкой, но случилось то, что случилось. Виногато кося глазами, Вася спросил, как очутился в лазарете. Узнав про благоприятный исход происшествия, тут же попросил походатайствовать перед командиром роты о предоставлении увольнительной для восстановления «семейных отношений». «Стыд не дым, глаза не выест!» — говорила в таких случаях моя бабушка Александра Павловна.

Грипп в части

Зима стояла морозная, светлая. Но она принесла с собой очередную эпидемическую вспышку гриппа. В самом Волочке даже было несколько смертных случаев. Основной заботой было не допустить неприятных исходов в части. Согласно инструкциям в казармах были развешены мешочки с хлорной известью, отменены увольнения, усилилась витаминная профилактика. Правда, старшина Карпенко, командовавший на кухне, всегда разнообразил рацион зеленым луком и зеленью, которые весенними свежими горками лежали на солдатских столах. Карпенко был высокого роста, с закрученными по буденновски кверху пышными усами, говорил с небольшим украинским акцентом, и от всей души старался, чтобы солдаты были сыты.

Когда-то с отцом на Сахалине служил офицер, кажется подполковник, фотография которого в составе группы друзей где-то лежит до сих пор. Он носил точно такие же усы и ту же фамилию – Карпенко. Но наш старшина никакого отношения к отцовскому сослуживцу не имел, остается предположить, что это случайное (но, тем не менее, закономерное, хотя бы в соответствии с законом парных случаев) совпадение.

Во время визита в часть командующего ВВС МВО Кожедуба старшина Карпенко за отеческую заботу о солдатах удостоился истинно российской награды. Генерал налил два стакана водки (себе и старшине), предупредил подполковников-вертолетчиков, что назад в Торжок вертолет поведут они (от Торжка до Волочка он сам был за штурвалом), и с удовольствием опустошил «маленковский». Впрочем, Карпенко сделал это значительно скорее командующего, но из вежливости задержал у рта пустой стакан, пока генеральский не оказался на столе.

А вот отношения с капитаном Сопельняком у нас не сложились. Он заведовал снабжением воинской части продуктами, каждый раз что-то выгадывая для себя в ущерб солдатам. Так, случайно я обнаружил, что вместо полагавшихся по меню-раскладке овсяных печений в праздничные дни – на раздачу поступали самые дешевые галеты. Сказал ему об этом, прося объяснить причины. В забежавших глазах причина виделась ясная, но он сослался на отсутствие нужного печенья на складе, не объяснив механизм соответствующей компенсации солдатского рациона.

Однажды на склад завезли большую партию соленой трески. При вскрытии бочек по всем помещениям пищеблока разносился гни-

лостный запах, внешний вид рыбы оставлял желать много лучшего, но от капитана поступило распоряжение обеспечить вымачивание этой трески в ваннах с водой в течение суток с последующим приготовлением пищи в соответствии с меню-раскладкой. После вымачивания и приготовления неприятный запах сохранялся, на вкус рыба была отвратительной. Как ответственный за качество солдатской пищи, я запретил выдачу рыбы, заменив ее в тот день макаронами по-флотски с тушенкой. Одновременно пригласил представителя районной санэпидстанции, который составил соответствующий акт о недопустимости употребления в пищу всей партии трески. Акт я оставил у себя. Старшина Карпенко был возмущен не меньше моего, но считал, что от выдачи испорченной рыбы может спасти только ее многократное промывание для избавления от запаха (как и от всех еще остававшихся в ней полезных ингредиентов). Он решил, что командир, находившийся в дружеских отношениях с начальником продовольственного отдела, поддержит его, несмотря на все наши убедительные доводы.

На следующий день капитан Сопельняк доложил командиру о моем неподчинении и тот вызвал меня для выяснения обстоятельств и соответствующего «разноса». Командир предварительно уже был настроен на полную под-

держку капитана, поскольку партия рыбы была закуплена достаточно большая, а с финотделом связываться не хотелось. Вероятно, были и иные причины, по которым командир приказал начать включать рыбу в меню-раскладку и готовить из нее блюда после вымачивания в воде. Однако я тут же доложил ему, что накануне вынужден был вызвать районную СЭС для составления акта о невозможности употребления в пищу этого продукта и предъявил ему второй экземпляр этого акта (первый экземпляр остался в СЭС, на руках у меня была также еще одна копия, которую мне любезно оставил санитарный врач). Капитан чуть не задохнулся от злости и пытался убедить командира, что вопросы с СЭС он решит и отзовет предъявленный акт. Тогда я упомянул о наличии третьего экземпляра акта, который будет предъявлен в военную прокуратуру в случае выдачи рыбы на солдатские столы вместе с документами о махинациях продовольственного отдела с пересортицей печенья. Мне было предложено удалиться продолжать исполнение служебных обязанностей. Но уже через пять-шесть минут из окна можно было наблюдать, как выбежавший из кабинета командира Сопельняк, матерясь и брызжа слюной, взгромоздился в кабину пищеблоковской машины-фургона и помчался в известном только ему направлении.

Карпенко был рад восторжествовавшей справедливости и впоследствии неоднократно становился на мою сторону в различных спорных вопросах, возникавших со службой снабжения. А с капитаном до конца службы я больше не виделся.

Но вернусь к гриппозной эпидемии 1968 года. В ротах велись постоянные беседы по профилактике гриппа, хотя при высокой скученности достаточно было одного контакта, чтобы вирус разбушевался. Из Минобороны нагрянула очередная комиссия из нескольких генералов, в том числе ответственных за политическое воспитание. Командир отрапортовал о проведенной профилактической работе. Несмотря на отсутствие майора Школьника по болезни и фактическое исполнение мною обязанностей начальника медицинской службы Вышневолоцкого гарнизона, я, как младший сержант, не мог, видимо, представлять свою деятельность перед столь высокопоставленной комиссией. Перечислив все профилактические мероприятия, в заключение он сказал: «Гриппа в свою часть мы не допустим!». Зная о возможных последствиях такого заявления, пришлось потревожить наиболее звездного из генералов (кажется, генерал-полковника) просьбой о разрешении обратиться к командиру части. Я сказал: «Товарищ полковник! Вирус гриппа, к сожалению, приказам не подчиняется, поэтому его вспышка среди личного состава может по-

лыхнуть в любое время». И получил ответ: «Не преувеличивайте опасности, товарищ Хадарцев! Мы не должны допустить вирус в часть!» Через два дня в ротах насчитывалось 150 больных, а через неделю уже более 400!

На ликвидацию вспышки был мобилизован весь личный состав лазарета, однако, в роты вольнонаемные не имели права ходить. А две-три палаты на втором этаже старого монастырского здания не могли вместить более пятнадцати человек. Солдаты лежали в казармах. Ежедневные обходы и измерение температуры утром и вечером позволяли выявить более тяжелое течение гриппа и наличие осложнений. При этом солдаты с верхних коек (койки были двухъярусные везде, кроме роты постоянного состава) перемещались на нижние ярусы – для более удобного оказания медицинской помощи.

Обходы я делал с 4 военными фельдшерами срочного призыва. Это были – Толя Палкин, Володя Кузьменко, Анджело (имевший итальянские корни, но родом из г. Горького, откуда и призывался), и еще один Володя из подмосковного Ногинска, внешне похожий на теперешних «крутых качков». Лечение осуществлялось только раствором салициловой кислоты (двадцатилитровую бутылку с которой перетаскивал Толя Палкин, прижав ее к животу и обхватив обеими руками), а также аспирином и аскорбиновой кислотой. Но уже через неделю появи-

лись первые случаи гриппозной пневмонии. Окружной госпиталь был переполнен. В лазарете не было ни антибиотиков, ни сульфаниламидов. Возникали сложности с транспортировкой солдат в районную больницу, которая также еле-еле справлялась с потоком постгриппозных осложнений. Многократные повторные телеграммы в госпиталь о необходимости помочь в поставке антибактериальных и противовирусных средств оставались без ответа. Обращение непосредственно в штаб ВВС МВО также не возымело успеха.

Запомнился эпизод, когда по поручению командира части я выходил по спецсвязи в округ для доклада об эпидемической обстановке и получения возможной медикаментозной помощи. Связь была безобразной, сквозь хрипы и завывания голоса были еле слышны. Помню, наш телефонист во время многократных попыток соединиться с Москвой матерился, не получая отклика на позывные: «Рокада! Рокада! Твою мать, где ты?». Почти через 30 лет, перед прибытием в Тулу министра обороны Грачева, мне пришлось присутствовать при попытке аналогичной связи с Москвой в кабинете начальника Тульского гарнизона. Будучи председателем Комитета по здравоохранению (бывшего облздравотдела) в 1992–1993 годах — обеспечивал встречу с министром, приезжавшем в связи с тяжелой болезнью своего отца. К

удивлению, за стенкой, попеременно с изысканными русскими выражениями, слышал знакомые позывные: «Рокада! Рокада!» и такой же хрип в динамиках, и те же завывания. Правда, когда приехал генерал, в багажнике одного из его служебных «Мерседесов» оказалось устройство связи, поддерживающее нормальные эфирные контакты.

Так вот, не получив никакого отзыва на свои обращения за помощью, пришлось в нарушение существующего порядка вместе с заведующей аптекой нашей воинской части ездить по городским аптекам и выменивать имевшийся в наличии избыток аскорбиновой кислоты на необходимые лекарственные препараты. Зато лечение солдат осуществлялось по всем правилам, и исходы болезни у всех были благополучными.

Прошел месяц. Регулярно подаваемые в округ сводки констатировали отсутствие новых случаев заболеваний. В лазарет на смену гриппу пришли обычные солдатские болячки: потертости ног, чесотка, фурункулез. Сажу, заполняю истории болезни. Стук в дверь. Поворачиваюсь. Передо мной стоит небольшого роста, плотный, отягощенный брюшком майор. Лицо открытое, румяное, располагающее, глаза-щелочки с хитрецей, весь чем-то напоминающий гоголевского Чичикова. «Разрешите обратиться! Майор Козьменков прибыл в Ваше

распоряжение сроком на месяц согласно приказу штаба округа!» Встаю навстречу, подаю руку, говорю: «Здравия желаю, товарищ майор! Будем знакомиться. Младший сержант Хадарцев, и.о. начальника медслужбы Вышневолоцкого гарнизона!». И, сняв с плеча медицинский халат, показываю две красных лычки на зеленом погоне. Удивленные глаза, потом искренний смех. Сели. Поговорили о житье–бытие.

Сергей Андреевич Козьменков руководил медслужбой Воронежского военного училища (не помню какого), получил приказ о командировке в город Вышний Волочек вскоре после моего обращения в штаб округа, но майор в то время находился на лечении по поводу гипертонического криза. Выздоровев, обратился по инстанции. Велено было выполнять приказ. Обсудили ситуацию. Проанализировали результаты работы лазарета во время эпидемии. Никакой необходимости в пребывании майора на вышневолоцкой земле не было. Тем более, что своей работы в Воронеже у него было невпроворот, да и имелись кое-какие семейные проблемы.

Согласовали действия с командиром, послали в штаб округа подробное донесение о состоянии заболеваемости в части и об отсутствии надобности в какой-либо помощи со стороны откомандированного офицера. Ответ был кратким и по-военному бессмысленным: «Май-

ору Козьменкову исполнять приказ, через месяц доложить о выполнении!». Сергей Андреевич поначалу взгрустнул, но потом мы договорились, что он побудет «в гостях» дня два или три, а потом поедет навестить своих родственников в Ленинград, затем вернется в Волочек и отсюда доложит командованию об окончании своей миссии. В последующем все так и произошло. А с Сергеем Андреевичем долгие годы потом мы обменивались письмами и поздравительными открытками.

Как раз в это время ко мне приехала дня на три жена. Получив увольнительную, решили с Сергеем Андреевичем вместе отпраздновать это событие в ресторане. Оба были в военной форме, но патрули, видя рядом с младшим сержантом старшего офицера, не придирались, хотя дважды показывались у входа в зал, косясь на необычного посетителя.

Пили водку, но немного, закусывали обычными для того времени ресторанными блюдами. Играла музыка. Майор очень здорово вальсировал с моей женой, сказывалась старая офицерская школа, где умение танцевать ценилось наравне с офицерской выправкой. До сих пор она вспоминает ту необыкновенную легкость, с которой этот с виду кругленький и неуклюжий человек кружил ее по залу между столиками.

Ковыряя вилкой неизменный салат, вдруг отчетливо услышал: «Сан Саныч!» Оглянулся. Никого из знакомых не видно. Только за столиком слева кто-то читает газету, заслонив ею лицо. Как раз к столу вернулись танцоры. Начали говорить друг другу комплименты. Вдруг слышу снова, но громче: «Сан Саныч!» Теперь уже точно – голос исходит из-за газеты и становится узнаваемым. Скосив глаза, замечаю знакомые черты. «Евгений Иванович, давайте к нашему столу!» И, действительно, за соседним столом видим улыбающееся лицо майора Горбунова, чернского военкома, проездом в Бологое остановившемся пообедать в Вышнем Волочке (по высказанной им официальной версии). Несмотря на предельную четкость изложения, замечаю некоторое смущение во взгляде. Ну, да пусть истинная причина его визита в ткацкий городок останется военной тайной! Объединившись, подняли тосты за превратности судьбы, за неизбежные случайности. Горбунов даже успокоился, убедившись, что его призывник не так уж плохо устроился, если имеет возможность бывать в ресторане, и не один. К сожалению, это был единственный эпизод посещения общественного увеселительного заведения за все время службы. Поговорили о Черни, о моей дальнейшей судьбе, немно-

го о политике. Расстались, удовлетворенные жизнью и своим в ней участием.

Наступило лето. Как всегда, а в Волочке и подавно, – с комарами, писк которых по ночам выводил из себя, да и с достаточно жаркой погодой. Не только курсанты, но и офицеры от жары становились малоподвижными и искали удобного случая, чтобы поплавать в речке, посидеть в тени растительности, к северу от Москвы какой-то уж очень зеленой и прохладной. Несколько раз с фельдшерами мы также выезжали «на природу», часа на полтора, ощущая необыкновенную свободу. Казалось, будто ты уже «на гражданке» и волен поступать так, как заблагорассудится.

Именно такие чувства, по всей вероятности, лежат в основе участвовавших в последние годы побегов солдат из мест прохождения службы. Ведь в отсутствии имевшего место в советские времена идеологического единства, тормозящего необдуманность и непредсказуемость поступков, на первое место выходит вседозволенность, основанная на примитивном понятии демократических принципов. Конечно, мы в те годы ощущали путы «пропаганды и агитации», видели лицемерие части партийных чиновников, расхождение их слов с делами. Но массовое восприятие принципов коммунизма, этого идеального, а значит не достижимого, будущего в сочетании с достаточно большим

удельным весом страха, генетически доставшегося всем нам, — ограничивало желание расслабиться до расхлябанности и возможного преступления. Понятие свободы, как «осознанной необходимости», было основным для гражданина СССР. Сбросив идеологические вериги, связанные с деятельностью всей однопартийной государственной системы, мы, к сожалению, не получили ничего взамен. Ценность любой партии без идеологии не выше принципов «партии любителей пива». Разноцветье общества необходимо, но не менее необходим тот стержень, который в нужные часы и минуты объединяет все общественные группы. Выход Ле Пена во второй тур президентских выборов во Франции и последующая победа Ширака с сокрушительным преимуществом из-за нежелания основной массы французов свалиться в болото радикализма — наглядный пример и недостатков, и преимуществ демократических государств. А вот казавшийся незыблемым в мире колосс социализма — СССР был разрушен в кратчайший срок. Достаточно было подменить стержневые понятия и пообещать суверенитета в любом количестве, а также преподнести массам в желаемом им свете нового вождя. Результат — еще долгие годы экономической нестабильности, соответственно и экономикополитической зависимости, неопределенность целей, внутренние разборки, возможное раздробление России.

Детские сны

Сахалин вновь материализуется в ощущениях. Сладкий запах газа или лигроина от автомашин. Гигантские (для нас семи- восьми-леток) «Студебеккеры», или как мы их называли, «Студики» – с необычными формами цельнометаллической кабины, высокими подножками... Они казались чудом техники по сравнению с полуторками, фанерные кабины которых, да газогенераторы (топившиеся мелкими чурками) – были в наших глазах признаком уходящего времени. Таким же, как самолеты «Ли-2», скопированные с американских «Дугласов», по сравнению с новенькими «Ил-12», увиденными нами на аэродроме в Южно-Сахалинске при отъезде. Резкий специфический запах эмалита, или чего-то другого, самолетного, сулил необычные воздушные приключения. Всего два ряда кресел, но это был уже комфорт, недоступный для перелетов на транспортниках. По тогдашним установкам офицерам на месте засиживаться не давали. На Сахалине мы несколько раз перелетали с одного конца на другой. Сестра Ольга на 12 день рождения уже впервые летела с нами из Отани (потом – поселок Сокол) в Торо (ныне – Углегорск). Названия были японские, но уже порядки были нашенские. По воспоминаниям отца

при первом приезде в 1945 году еще сохранялся обычай не закрывать двери фанз. Можно было войти в дом без хозяина, если тот чем-либо приторговывал, взять папиросы, или какую-либо безделушку, оставить деньги и уйти. В памяти жителей Сахалина прочно сидел старинный обычай: вору отрубали руку за каждый факт кражи. Во второй раз – мало кто решался на такое. Еще одно жестокое правило – хозяина загоревшегося дома, виновника пожара – бросали в огонь, потому что пожар мгновенно охватывал весь поселок (бумага, фанера, опилки!) Но уже через год, другой – наученные горьким опытом коренные обитатели острова стали изготавливать хитроумные запоры для своих жилищ. Однако, наши солдаты вновь проявили чудеса находчивости и научились взламывать любые замки любой конструкции. Халява – она и есть халява!

В тот памятный Новый Год, когда отец две с половиной недели провел в засыпанном снегом поезде по дороге от Южно-Сахалинска до Долинска, была сверхснежная зима. Может и сейчас там такое бывает? Не знаю. Нам приходилось откапываться, открыв вовнутрь дверь, уплотняя снег лопатами, и потихоньку вылезать на уровень крыши. Белое, искрящееся пространство на месте поселка, обозначенного только дымом из труб. Самих труб подчас не

было видно. Лишь вдалеке виднелись контуры второго этажа единственного двухэтажного дома. Между домами прорывались тоннели, по которым постепенно налаживалось сообщение между домами и учреждениями, важнейшим из которых для нас была школа. Учительница Елена Александровна Середина, молодая, красивая, — обучала нас, первоклашек в 1950 году. Сохранилась фотография, на которой моя фуражка, заброшенная кем-то, а может и самим мной на крышу, высветила подстриженную под ноль тыковку, как бы предвосхищая сегодняшнюю лысину.

Помню, как отец брал меня с собой на один из Курильских островов, где я был поражен увиденным. Верхушка сопки отодвигалась в сторону и оттуда, из сердца горы, вылетали самолеты. Это были сконструированные и построенные японцами подземные, а, точнее, «внутрисопочные» аэродромы. Недавно в прессе промелькнуло сообщение об одном из таких сооружений. Вообще, Курилы вспоминаются, как острова непроглядных туманов. Отец поднимал меня на плечи, и с двухметровой высоты в густом облачном безе видны были только головы взрослых людей, плывущие без туловищ по своим делам.

Но отца переводили в Ригу на курсы повышения квалификации, чтобы подготовить из

него преподавателя для летного училища. Собрав пожитки в несколько тючков и один большой, кожаный, купленный на Сахалине чемодан, в который спокойно мог поместиться взрослый человек, мы как раз и приехали в Южно-Сахалинск, чтобы лететь в Хабаровск, а оттуда на поезде в Москву и Ригу.

Помню солнечный слепящий глаза день, в котором наше воображение поразили не только новехонькие «Ил-12», но и ровные ряды совсем непривычных для тогдашних людей реактивных истребителей «МиГ-15», занимавших отдаленное поле аэродрома. Из разговоров старших было ясно, что эта новая, тогда еще секретная техника, и перегоняется она на войну в Корею. Вообще о военных действиях, да и о политике в целом не было принято говорить вслух. Физически ощутимый страх довлел над людьми. И это доходило до детского сознания также явно, как и постоянно внушаемая уверенность в гениальности вождя и незыблемости власти. Однажды исчез поселковый парикмахер, старый еврей, подстригавший наши чубчики. Оказалось, он, в присутствии посетителей выключил дребезжащий круглый диффузор – громкоговоритель во время трансляции какой-то речи Сталина. Этого было достаточно, чтобы стать «врагом народа»! Но и этот факт обсуждению не подлежал. О взрывах атомных

бомб уже в нашу бытность на Сахалине также никто не распространялся. О них мы знали только по карикатурам в «Крокодиле» на «поджигателей войны», да по шепоту родителей между собой.

Перелет в Хабаровск – обычный: с ревом двигателей и рвотой у женщин после каждого падения в «воздушные ямы», с закладыванием ушей, с ощущением затяжного прыжка с парашютом при взгляде вниз на гладь Татарского пролива под крылом, с периодическим хныканьем трехлетней сестренки.

Затем – ожидание поезда на хабаровском вокзале, до отказа забитом людьми (сидящими, лежащими на тюках, непрерывно жующими хлеб, сало, вареные яйца, изредка – обгладывающими куриные кости). Из динамиков, включенных на полную громкость, несутся песни тогдашних модных исполнителей – Нечаева, Бунчикова... «То ли луковица, то ли репка, то ль забыла, то ли любит крепко, как яблонька цвела...» или «Расцвела сирень, черемуха в саду на мое несчастье, на мою беду...». Кажется, что-то такое слышалось оттуда, как бы заманивая в новый, взрослый мир.

Позднее написалось:

Вокзалы старые: резные потолки,
засилье мрамора и бронзовых подвесов,
гранитный пол, окурки и плевки,
лимонный запах, хмель разгульных песен,
опухшие пропойцы, торгоши,
галдеж цыган, отпускники, солдаты,
мороженое, кофе, беляши,
в штормовках бородатые ребята.
Вокзалы – наши микрогорода!
Сложны, своеобразны их законы.
Но безотчетно тянет нас сюда:
в транзитные, прокисшие вагоны.

И вот мы в плацкартном вагоне! Знаем, что
в пути пройдет более недели, поэтому обжива-
емся всерьез, надолго, но без всякого комфорта.
Все интересно! И остановки на неизвестных
полустанках, и черный дым из паровозной тру-
бы, и чистейшие, наипрозрачнейшие воды Бай-
кала, тихо плывущие рядом с полотном дороги!
Из окон вагона были видны камни на дне этого
хрустального озера. Поезд почему-то очень
долго стоял около него. Тогда же впервые про-
буем на вкус байкальского омуля.

Колеса талдычат свои ритмы. Медленно
проходят дни и ночи. В вагонных проходах ре-
гулярно просят милостыню темнокожие бе-
женцы из Ашхабада (после тамошнего земле-
трясения). Цветасто-грязная, зелено-красная с

черным одежда, разнокалиберные, преимущественно в соплях, ребятишки, платки, мониста, незнакомая речь.

Их сменяют инвалиды прошедшей войны. Безногие – на платформах с колесиками-подшипниками, стучащие по полу самодельными деревянными упорами. Слепые – в сопровождении усталых женщин, или мальчишек-поводырей. Чаще с гармошками, а то и с трофейными аккордеонами. Поют жалобные, иногда блатные, иногда популярные народные песни, ожидая скудного подаяния.

На длительных стоянках отец с чайниками выходит на станцию за кипятком. Пьем чай вприкуску, откалывая от кускового сахара щипчиками голубовато-искрящиеся фрагменты.

Москва нахлынула ночью заревом городских улиц, трамвайным звоном (звонки на трамваях еще не были запрещены), незнакомыми запахами большого города, но особенно не запомнилась. Правда, переезжая на такси с Казанского вокзала на Ленинградский, мы умудрились по милости хитроумного таксиста пробыть в пути около получаса, крутясь по каким-то переулкам, и заплатить кучу денег. Наше удивление не имело ни границ, ни подходящих слов, когда, рассчитываясь с шофером, отец с изумлением увидел напрямик через площадь

исходную точку – Казанский вокзал. Подходящее слово нашлось лет через пятьдесят. Мы в том состоянии были совершенными «лохами»!

Рига, тысяча девятьсот пятьдесят первый год. Въезжаем в нее рано утром. По привычке располагаемся на вокзальном диванчике поближе к выходу, устраиваем на узлах постель для сестренки, сладко досматривающей какой-то детский сон. Идем с мамой к светящемуся проему двери, за которой в утреннем полумраке отражаются на мокром асфальте разноцветные огни витрин. На лотке за стеклянной перегородкой – вафельные трубочки, никогда ранее мной не виданные. Их ванильный запах, хрустящая на зубах оболочка, тающая во рту начинка – до сих пор неповторимы (как и вкус сахалинских котлет)! Может оттого, что были ощущены впервые?

Погуляв по привокзальной площади, идем к своему временному пристанищу. Отец отправляется на поиски жилья и устраиваться на курсы. К вечеру ему удастся снять комнату на Дзирнаву иела (Мельничной улице). Комната располагалась в четырехэтажном высоченном старом доме, двор которого в виде колодца замыкали стены с множеством окон. Кажется, дом стоял почти в самом центре Риги. По соседству жил известный в то время писатель Ви-

лис Лацис, располагался кинотеатр «Сплendid Палас».

Хозяин квартиры – казах Кушкумбай. Его любимая присказка – «Шем могу – помогу!» Правда, квартплату регулярно взвинчивал. Скорее всего, по указке своей жены – мощной русской бабы, зачастую молотившей мужа громадными кулаками, загоняя его под кровать. Кушкумбай пил мало, но часто, пьянел быстро, но надолго. Так и ходил с постоянными синяками от супружеского воспитания.

Нас было пятеро: бабушка Александра Павловна (мамина мать), я с сестренкой, мама и папа. А кровать была одна, сданная в аренду хозяевами: солдатская, односпальная, с проволочным каркасом вместо пружин. Попросили у Кушкумбая (за деньги, конечно) три стула, положили на них два матраса – на кровать и подставленные к ней стулья, застелили простынями, и так все впятером спали поперек кровати, ногами на стульях. Правда, потом обзавелись «мебелью», купив этажерку для книг. Какие либо вещи покупать было бессмысленно, так как через год предстояло вновь переезжать, да и денег не было.

На купленную этажерку бабушка периодически выставляла свои иконы. Была у нее и лампадка. Молилась она регулярно, но, чтобы

мы не видели. Помню, позднее, уже в Борисоглебске, утром 5 марта 1953 года, она растолкала меня, спящего на раскладушке, со слезами на глазах, приговаривая: «Шурик! Просыпайся! Беда-то какая, Сталин умер!» И тогда я увидел около икон горящую лампаду, стоящую и открыто молящуюся на коленях бабушку. Хотя прошлое ее вроде бы и не давало повода для такого отношения к умершему вождю. Со слов мамы, она была из купеческой семьи, или была взята замуж в нее. Об этом сама бабушка никогда не рассказывала. Вспоминала детство, когда в деревне на покос отправлялись мужики, и им на обед отпускался хозяином ломоть черного хлеба и половинка вкрутую сваренного яйца. На отдаленный край ломтя клалось яйцо, вначале съедался хлеб, и только затем заветная бело-желтая половинка. Иногда она кормила нас тюрей, показывала, как раньше вскармливали детей разжеванным мякишем, укутанным в марлевый лоскуток. Умело настругивала лучины, и в сахалинский период, когда не было света из-за отсутствия керосина, налаживала освещение в комнате, при котором (и это в пятидесятых годах 20 века!) я готовил домашние задания. Керосиновые лампы были в то время основным источником света. Однажды, сестренка наклонилась над лампой и ее кудряшки

(в то время светленькие) вспыхнули. Я со всей силы хлопнул ее по лбу, послышался рев, и мне досталось от матери, которая не разобралась в моих благих намерениях.

Так вот, часть бабушкиных воспоминаний свидетельствовала об ее близости к деревенской жизни. В то же время она рассказывала, как, кажется в 1905 году, присутствовала в цирке на чемпионате мира по вольной борьбе в Нижнем Новгороде, и видела самого Ивана Поддубного. Правда, впечатления от чемпионата были у нее не однозначные: «Толстые мужики, нутуживаются, мнут друг друга, портят воздух! Что в этом хорошего?» Поездка в Нижний была не всем доступна в то время! Мама вспоминала также детство, в котором были памятные связки колбас и окорока в большом количестве. Голодная предвоенная и послевоенная жизнь заставляла ее обращаться к воспоминаниям такого рода. Из-за известных только бабушке опасений она не рассказывала ни нам, ни маме, родившейся в 1920 году, ничего из своей прошлой жизни. Помнится только, что она говорила как в одночасье поседела после того, как в их дом стучали и стреляли боевики из банды хозяйничавшего на Тамбовщине Антонова. Только крепкие запоры изнутри спасли ее. Бандиты вроде бы ошиблись домом, и, после их

отъезда, вышедшую на крыльцо бабушку встретила соседка с испугом и удивлением: «Павловна! Что это с тобой? Глянь в зеркало! Ты же вся белая!»

И снова Рига! Она поражала, видимо, как и сейчас, какой-то необычной свежестью, темной, иссиня-серой поверхностью Киш-озера, теснотой улочек старого города, легкостью кораблей на рейде, громадой Домского собора, неопределенным, но памятно-историческим рижским запахом. Тогда еще стоял в Риге дуб, посаженный, согласно табличке, еще Петром I. Через много лет, в 1984 году, будучи в Испании, улочки Толедо напомнили мне (и – только!) специфику старой Риги. До сих пор помню пропитанный свежим мясным запахом крытый павильон рижского рынка. Скверы и фонтаны. Сказочность жизни. Театр оперетты. В «Спленидид Паласе» отцу удавалось доставать билеты на трофейные фильмы. Это – «Индийская гробница», «Шведская спичка», и, конечно, «Тарзан», несколько серий которого удалось посмотреть. Пацаны из нашего двора, да и всех дворов того времени, связывали бельевые веревки, цепляли их к деревьям, а то и балконам домов, и с тарзаньими криками «Аа-а-Аа» перелетали с места на место, или с балкона на балкон. В соседнем дворе мальчишка, подра-

жая любимому герою, сорвался с 5 этажа и разбился насмерть. Искали литературу про приключения. У соседа обнаружили тоненькие книжки числом до двадцати о приключениях Тарзана. Зачитывались и стар и млад.

Но уже в то время бросалось в глаза неприязненное отношение части латышей к русским, особенно – военным. Согласно приказу отец не имел права в одиночку и без оружия ходить по старой Риге, бывали случаи нападения и убийства военнослужащих. В некоторых магазинах маме не отпускали товар, мотивируя это своим незнанием русского языка, либо вообще не обращая внимания на человека, говорящего по-русски.

Через некоторое время пришлось искать другую квартиру. Видимо, Кушкумбай (или его супруга, что более вероятно) нашел более выгодных квартирантов. Теперь мы жили на Стрелниеку иела (Стрелковой улице). В том же доме жил, как оказалось, герой-молодогвардеец Радик Юркин (тот самый парнишка из «Молодой гвардии», который участвовал в казни предателя). Это был молодой военный врач, кажется, лейтенант, носивший сапоги под брюками навыпуск. При движении ног голенища сапог некрасиво оттопыривали штанины морских клешей. Такие детали бросались в глаза, пока я

ожидал кого-то из своих друзей, а сын Юркина – Юра играл в песочнице. Но, когда я поднял глаза, то увидел и узнал человека, накануне приходившего к нам на встречу в школу в качестве героя-молодогвардейца. Уважение к маленькому Юрке сразу возросло до невообразимой величины и я предложил ему свое покровительство и защиту, как старший по возрасту (Юрке было 4–5 лет).

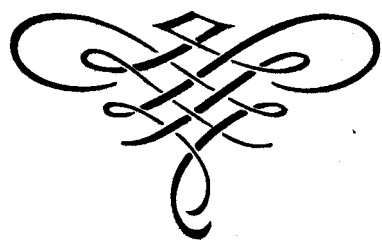
Кстати, о школе. Не помню, на какой улице она располагалась, но запомнилась хорошая атмосфера в ней. Сдав экзамены экстерном за второй класс, пропущенный из-за болезни и переездов, в 1952 году поступил в 3 класс этой начальной школы. Учился в ней не долго. В несколько месяцев учебы начал постигать школьный курс латышского языка, до сих пор помню какое-то стихотворение: «Падемяю земе скола, висием дурвис вер и т.д.» В школьной самодеятельности занялся художественным чтением (читал отрывок из гайдаровского Р.В.С.), несколько раз посетил кружок танцев (полька, краковяк, но без особого успеха), хотя очень хотел петь. Может от медвежьего мяса на Сахалине (при встрече там же с медведем мы вроде бы разошлись без травмы ушей), но слух мой отличался всегда своим уровнем близким к нулю. Учитель пения, старый латыш-интеллигент,

прослушав в моем исполнении песенку: «Капитан, капитан, улыбнитесь!», чуть не заплакал. Памятны его слова: «Мальчик! Ты можешь заниматься чем угодно – спортом, чтением, даже танцами. Но никогда, понимаешь, никогда не пой!» Он оказался прав, хотя я не один раз пытался преодолеть это табу.

A decorative rectangular border with intricate floral and vine patterns, featuring small leaves and scrolls at the corners and along the sides.

ЧАСТЬ II

ЗИГЗАГИ МЫСЛЕЙ ПУСТЯКОВЫХ



ЗАМЕТКИ В СОЧЕЛЬНИК...

В сочельник вдруг растеплилась погода,
стучит капель, метелит мокрый снег...
В начале вновь родившегося года
грядет весна, обманывая всех

Бурлит в бассейне поросль молодая,
из сауны древесный запах льет...
И пусть снежинки за окном витают!
Затем он и приходит – Новый Год!

Снег на пурпурной попе быстро тает.
Что холод, если тело горячо?
Оно и снег, как видно, обжигает
и тут температура – не при чем!

Каминный пламень, мятный дух кальяна,
на кухне – об артистах разговор...
Как жаль, что мы родились слишком рано,
а жизнь слилась, как речка через створ...

Семидесятилетние подружки,
как в детстве, пошептаться норовят...
Пусть на столе – остынут с чаем кружки,
коль чада с домочадцами галдят!

Но вновь мороз студеный воротился
под гром петард и фейерверк огней.
А, значит, кто-то все-таки родился!
И ель стоит. И мишура – на ней.

Поверьте русской мысли осетина,
как уголь верит старой кочерге!
Россия! Ты – как лапти у камина
стоишь с Европой на одной ноге!

В тебе есть все, как в вечном винегрете,
В солянке сборной, в овощном рагу...
Твое застолье – лучшее на свете!
А ты сама – как угли на снегу!

2002

ЧТО–ТЫ? ЧТО–ТЫ? ЧТО–ТЫ?

«Что–ты, что–ты, что–ты?»...пулеметил друг.
«Все вокруг – частоты. Жизнь – порочный круг.
Я тебе – товарищ–щ и казак донской,
до мирских пожарищ нам подать рукой.
Рухнув, небоскребы изменили свет:
негде ставить пробы, виноватых – нет!
Прячется бен–Ладен, жметесь шейх Омар,
но о них баллады пишет мал и стар...
Автоматной строчкой, взрывами ракет
попадают точно – в место, где их нет.
Триллионы баксов выбросив в песок,
растревожив факсов звонкий голосок...
Терроризму, вроде, нанесен удар,
но бен–Ладен в моде, как и шейх Омар.
Лишь одни спецслужбы знают «ху ис ху»!
В чем основа дружбы – не понять лоху:

Запада с Востоком упрочняем связь,
только ненароком ты в нее не влазь!
Наш премьер лукавит. Принцип – очень стар!
Всем на свете правит – нефтяной базар.
Рынок – как синоним власти мировой:
кто кого догонит – тот и с головой.
Так и в медицине: человек – товар.
Кто хитрей – тот «кинет», у него – навар...
Земляки–липчане, други–туляки,
сдвинемся плечами – вместе, мужики!
Что-нибудь, но, точно, спьяну – сотворим!
Наш союз – бессрочный, прямо говорим!
Ты, товарищ-щ-щ, тоже подбирайся к нам,
иудей – по роже, чукча – по мозгам!»
Подхожу поближе. Что-то тут не так!
Друга, вроде, – вижу... Шустрый, как дончак!
После двух бутылок – свежим огурцом?
Почесал затылок, а на сердце ком.
Потому что друг мой – трезв, как никогда...
Тут вот и подумай – где придет беда...

2002

ДВА ПЕРСТНЯ

Где берег моря не порочен,
где светло-лунная тропа
пронзает темень южной ночи,
там все равно – любовь слепа!

В том далеке, в начале мира
катились волны вновь и вновь...
Там Пушкин – молодой задира –
шумел у моря про любовь...

Горящей страстью окольцован,
готовый вечно воздыхать,
письмо графине Воронцовой
решился ночью начертать...

Перо гусиное скрипело,
разбрызгивая грусть чернил...
Свеча надежды разомлела
от жара слов и черни крыл...

Неимоверным совпаденьем
вошли частоты в резонанс:
биенье пульса – с волн биеньем...
И это был последний шанс...

Два перстня. Двусердечным ликом
благословила их луна...
Два перстня. Оба с сердоликом.
но Муза, как всегда, одна...

2002

СУРДОКАМЕРА

Гримак старается! Сжимается
в песчинку мощь сопротивления.
С гипнозом – всякое внушается,
и даже «собственное» мнение.
Идя на поводе желания,
рукой плывешь по невесомости,
готов прочувствовать страдания,
приумножать свои способности.
За любопытство платят дешево,
но все же больше, чем в получку...
В науке – ничего хорошего!
С Америкой идем на случку.
В эксперименте – надо действовать!
И ты, как в космосе, стараешься.
Чтобы запросам соответствовать –
по триста раз присесть пытаешься.
С тебя снимают показатели,
кривульки энцефалограммные.
Считают медики-мечтатели
эффектом – столбики стограммные!
Жаль, что старания – напрасные!
Уволен в звание подполковничьем,
чтобы возить цветы – прекрасные,
как вспышки света звездной полночью...
Пусть пенсионный возраст скажется
на росте благосостояния!
Удушие от тебя – откажется!
И вновь начнут бурлить желания!

Как Шварценеггер, спрыгнув с «Хаммера»,
не слышит взрывов в киноленте –
так наша жизнь, как сурдокамера,
имеет нас в эксперименте.
Но вот в гипноз – не стоит вкручивать!
Пускай года от нас – забежали!
На старте ключ! Мечта – горячее!
Отсчет обратный. И – «Поехали!»

2002

* * *

Так что же все-таки больница?
Лечить – ее святая роль!
А для больного – боль и лица,
плывущие сквозь эту боль.
А для врача – работы поле.
Болит? Наркоз! И – не кричи!
Но единятся общей болью
с больными – редкие врачи...
И не компьютер, не профессор –
не могут ими управлять.
Они – природой данный сенсор,
способный сопереживать!

2002

ТЕНДЕНЦИЯ ПАРАДОКСАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ

Дорога, как веревочка,
доводит до петли.
А там стоит «оптовочка»,
ловя судьбу в пыли.
Уже давно не целочка,
хоть на головке бант,
но верит наша девочка
в хороший вариант.
Вдруг рыцарь редкий встретится,
к работе подвезет,
глядишь, любовь завертится,
и в жизни – повезет.
Плюются «Лады» с «Волгами»,
промчался «Мерседес»,
но в ожидание долгое
упрятан интерес...
Взмахнет рукой уверенной
(машинам стоп-сигнал).
Годами – жест проверенный,
раз кто-то – точно встал!
Эмоций импотенция –
в них парадокса суть!
А главное – тенденция
искать кратчайший путь.
Не удивить нарядами
который год подряд...

Все так же «Мерсы» с «Ладами»
уходят в левый ряд.
Дорога, как веревочка,
доводит до петли.
И все-таки «оптовочку»
куда-то увезли...

2002

* * *

Я – из «тварного мира»,
 познаваем – всегда!
Ну а Ты – трансцендентен
 в заповедье своем,
где певучая лира
 не звучит никогда,
нет ни сцен и не сплетен,
 нет понятия – вдвоем...

Нет в прекрасном Эдеме
 пониманья души,
потому что без тела –
 ей тоскливо одной.
В нашей микросистеме,
 если жив, – то греши!
В макрокосм захотелось –
 уйди на покой!

2002

М.З. ШУФУТИНСКОМУ

В маленьком каком-то городке –
полон зал простых людей России.
Льются песни, что на «бис» просили
в том «периферийном» далеке.

Случай был закономерно прост,
день, которым вечно будешь сыт...
Претерпев российский вечный пост,
женщина заплакала навзрыд!

Напряженье мощью в сотни ГЭС
назревало на подмостках старых.
В единенье тысяч глаз усталых –
шел непредсказуемый процесс.

Песня «про тюрьму и про печаль»,
смысл которой ясен, а не скрыт...
Только вдруг, уткнувшись носом в шаль,
женщина заплакала навзрыд.

Слезы переполнили глаза,
заструились по щекам горячим...
Зал встает с каким-то нервным плачем,
с тем, где бесполезны тормоза...

Будто снова выставлен конвой,
опоясав проволокой быт.
Под сирены незабытой вой –
женщина заплакала навзрыд.

Пусть катарсис – греческая суть,
очищение от коросты века,
но в слезах простого человека
есть прозрение – в будущее путь.

Только веры почему-то нет,
что любовь преграды сокрушит!
И с надеждой получить совет –
женщина заплакала навзрыд!

2002

В БЕРЛИНЕ

На двухрядке играет мужик,
где-то там: у Европы в середине...
Пухлых немочек круглые попки
бес, как видно, не русский – кружит.
Нет таверны, и женщины нет,
мелочь жизни стекается в марки...
Старых песен горячечный бред –
там, где наши победные арки...

То «цыганочки» звонкий расклад,
то «На сопках Манчжурии» льется...
Пиво «Gösser» холодное пьется,
только хмелем не полнится взгляд...
Вспомнит русских прудов забытье –
лягушачье владенье вприпрыжку...
Дождь, стучащий под ветра нытье,
в кем-то снятую автопокрышку...

Где студеной водой родника
моют женщины ног загорелость.
Где и детство, и юность и зрелость –
охраняет природы рука.
В холодильнике водка дрожит,
белым инеем крыта бутылка...
Кто-то в комнате тихой храпит...
Кто-то женщину чует затылком...

С шумом возятся дети в пруду,
ловят – то карася, то ротана...
Память прошлого – вроде тумана
застилает годов ерунду...
Вдруг слышалась русская речь –
женский голос из родины милой!
С этим чудом так хочется лечь –
хоть в постель, хоть в объятья могилы...

2002

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Деревенский домик у дороги,
тридцать соток, уходящих в лес,
суеются осы-недотроги –
злые знаки сухости небес.

С края, где стрекается крапива,
лопуху – репейник верный друг,
грядки – летней зеленью красивы,
падалицы яблоки вокруг.

Хилый столик ждет своих хозяев
(кто они – не ведомо пока!)
Пыль из-под колес, в жаре растаяв,
липнет на машинные бока.

Наскоро готовятся закуски.
Водка – есть, еще бы ей не быть!
Потому что договор – по-русски
надобно для верности обмыть.

Правда, нет воды. И газ природный
в этот уголок не проведен,
дом для проживания – не годный,
но за то – какая связь времен!

Прошлый век роднится с новым веком,
трасса мимо дома пролегла...
Ну, а много ль нужно человекам,
чтобы завершить свои дела?

Даже если сделка не случится,
это никакая не беда!
Повод есть покушать и напиться,
остальное, право, ерунда!

Вот такой он, главный бизнес русский!
Что-то для чего-то покупать,
выносить питейные нагрузки,
а потом про это – забывать!

Деревенский домик покосился,
ос жужжащих приутихнул рой,
август – так воды и не напился,
опаленный бешеной жарой.

Скоро осень хлипкими дождями
оросит желания ростки...
Для чего хотим в деревню? Сами –
мы не знаем! Может – от тоски?

2002

ПЛЕНЭР

Ты опять внезапно разозлилась!
Только я – готов, как пионер
быть на стреме, что бы ни случилось!
И с мольбертом ехать на пленэр!

Есть и краски, есть и кисти тоже!
Вижу задачу лишь в одном, –
что никак десятки дней не можем
мы остаться, как тогда, вдвоем!

Замысел невиданных пейзажей
поражает виртуальный взгляд.
Но чисты листы, хоть хлопья сажи –
в белизну прорваться норовят.

На жаре огнем пылают губы
в поисках струящейся воды...
Также краски засыхают в тубах
сгустками непонятой беды...

Время ветром раздувает сажу
от не догоревшего костра...
Пусть горит! А я тебя поглажу
по груди. И буду – до утра!

Этот сон, основанный на вере
в мощь гормонов выброшенных в кровь, –
вижу вновь. Как будто на пленэре
пишется картина про любовь.

2002

ВНОВЬ НЕСТЕРПИМАЯ ЖАРА...

И строчки не ложатся друг на друга,
и теней нет от пополневших муз...
Затих Пегас, расслаблена подпруга,
на лаврах спит писательский Союз...

Висит жара над жухлыми листьями,
стреляют осы остросмыслом жал,
природа – издевается над нами,
являя лавой пышущий оскал.

Потянет ночью северной прохладой,
сквозняк прошелестит между листов...
Я вновь пишу! И большего – не надо!
Хватило бы в потемках нужных слов!

Звенит комар, готовясь впиться в ухо,
моргают окна желтосветьем глаз.
На улице, во рту, и в жизни – сухо!
А в мыслях – ледяющий глотку квас...

Пусть снова осень поторопит зиму!
Снаружи – холод, а внутри – тепло...
Что лето? Адский жар, где чувства стынут...
На сердце – льда промерзшее стекло.

2002

ОБОЮДОДАННОСТЬ

Белой вспышкой гладиолусы
в давний сон тебя вернут,
где любимый гладит волосы
в тесноте ночных минут...

Вспомнишь давнее и нежное
в этой памятной глуши,
где и ревность – неизбежная,
и метания души...
Там обиды плещут слезные,
там гитарный перебор,
скрипы снега в дни морозные,
да признаний жарких вздор...
Полыхают свечи пламенем
в канделябрах миражей,
непонятым вьется знаменем
разноцветье витражей...
Акварельных пятен видимость,
дым успехов и побед –
все на свете можно выдумать,
но реальность счастья – нет!
А оно – в противоречиях,
где на каждый минус – плюс,
где в пучине многоречия
нужных слов упрятан груз.
Значит, в обоюдоданности –
мы с тобою – визави,
на Земле, а не в туманности,
ищем интеграл любви!
Много лет с начала поиска
не мешает нам ничуть!
Мы – в одном вагоне поезда,
общие – купе и путь!

2002

* * *

Бушует Эльба, заливая
подвалы храмов и дворцов,
водой бурлящей размывая
благополучия покров.
В потоке грязи многолетней,
невесть откуда... в никуда –
несутся ноты, карты, сплетни,
вода, как новая беда...
И в этот хаос бесшабашности,
в рожденный мигom беспредел,
с останками утопших тел,
назло своей природной важности,
на лодках мчался рой людской,
спасать конкретный имидж свой...

Всплывает галерея Дрездена,
неся войны прошедшей срам,
потомкам в завтра, будто крест – дана,
в опровержение мечтам.
Картины старые, иконные,
плывут по памяти веков –
на них и пешие, и конные,
и вечных истин трубный зов...
В быки мостов стучится прошлое,
сетями ловят мужиков,
несется скарб, разрушен кров,
все в этом мире позаброшено,
но даже мимолетный взгляд
ласкает женщины наряд.

Она не в «макси», и не в «мини»
промчалась в лодке надувной,
а в самом, что ни есть бикини –
летела болью головной...
Глазами, может от испуга,
вбирая все вокруг – в себя,
частичкой замкнутого круга
вращалась, плача и любя...
Вдруг двухметровым великаном
на лодку накатился вал,
поток воды ее подмял
и выплюнул одним туманом,
да нежным запахом духов,
да звуком утонувших слов.

2002

ШАРМ–ЭЛЬ–ШЕЙХСКИЕ ЗАМЕТКИ

Беглый взгляд

Стены глины, как руины,
рядом с пляжем громоздятся,
желто-серыми грядами
нависая над водой...
А в пустыне – бедуины
рады в ужин расстаться
и встречать выходят сами
интуристов пестрый строй.

Где вокруг шуршит пустыня
в терриконах бурой массы –
там оазисы у моря –
рукотворной красотой...
Лишь один «кондишен» стынет
в номерах (почти прекрасных),
извиняясь: «Ай эм сорри!»
с чисто русской простотой.

Почему-то море – Красным
называют по старинке.
А на деле – бирюзова
сине-жаркая вода.
То, что истинно потрясно –
не напишешь на картинке.
И Европа – не готова
здесь селиться навсегда.

Как из сказок Шахразады
белые дворцы отелей
в миражах пустынных далей
возникают у воды.
Египтяне очень рады
быть в таком надежном деле,
И его – «бакшиш» назвали,
значит, «бабки» – за труды.

Здесь коралловые рифы
темно-серым фиолетом
выделяются на фоне
светло-синей тишины...
Знойный воздух будит мифы –
с фараоновым портретом,
с клеопатровой ладонью,
с мощью сфинксовой спины.

Шарм–Эль–Шейх встречает жаром,
выжигая все живое.
Только море – поглощает
эти комплексы вины.
Пасть мурены в гроте старом...
скат качается, спокоен...
рыб цветастых бродят стаи
и не слышен плеск волны.

Зона отдыха и шарма –
пальмы, сауны и вина,
немцы, русские, арабы,
в плавках, в шортах, без всего...
Только есть такая карма
у породы осетина:
Что там мясо, или крабы?
Не хватает кой–кого!

На-ама Бей

Ты, судьба, хоть и настырна,
но ногами нас не бей,
если выпал туз козырный
по пути в На-ама Бей!

Двадцать фунтов за машину
без окошек и дверей,
пахнет ночью и бензином,
весь в огнях На-ама Бей.

Продается все, что нужно.
Что ненужно – тоже есть!
Нас обманывают дружно,
зазывают пить и есть.

Ночь египетская стонет
от засилья русских слов.
В них язык арабский – тонет,
да и «аглицкий» – готов!

Пол-России в Шарм-Эль-Шейхе –
Всех профессий и полов.
А теперь узнают шейхи
двух российских докторов.

Ходят, бедные, скучают, –
Не привыкли отдыхать.
Дни на солнце быстро тают,
значит, скоро уезжать!

Эльф Лилля уа Лилля (фантазия)
Развлекательный комплекс «1001 ночь»

Как в магрибском царстве сказок
колдовством объаты ночи –
на египетском Синае,
в шарм–эль–шейхской духоте,
в необычности рассказов,
в справедливости пророчеств,
в совершенстве древних знаний,
и в базарной суете.

Сладкие дымы кальянов...
Египтяне в балахонах
на цепях несут кадила,
воскуря фимиам.
В аромате терпко–пряном
спят фламинго на газонах...
Будто прошлое застыло,
обещая детство нам.

Дивный город развлечений
среди пустыни необжитой –
башни, стены, павильоны,
разноцветные мечты...
Вспых неоновых свечений
черной ночью, тайной скрытой, –
эротические зоны
шарм–эль–шейхской красоты.

Здесь Синдбада–морехода
виден профиль лунно-зыбкий
в каждом встреченном арабе,
в ритмах музыки седой.
Тень Рамзеса – у прохода
вглубь истории Египта,
где Осирис миром правит,
бесконечно молодой.

Вдруг – из прошлого картины
на арене вековойной.
Декорации – Египет
в совершенстве пирамид.
Изумрудно и рубинно
полюхают света свечи...
Мчится в прошлое на джипе
нашей памяти джигит.

Гурт непуганых баранов,
караван верблюдов стройных,
вольтижеры на арабских
грациозных скакунах...
Мир настал на поле брани,
прекратились мор и войны,
промелькнули в танцах братских
все народы, будто в снах...

Развалившись на диванах
под открытым черным небом
на подстилках самотканых –
сотни зрителей сидят.
Дух клубничный от кальянов,
запах кофе, запах хлеба,
ритмы танцев первозданных,
иностранок быстрый взгляд...

Танец живота – остаток
от большого представленья.
В ожиданье замирает
вся цветастая толпа...
Музыкальности припадок,
всех частичек сотрясенье –
египтянок прославляет.
Но толпа – всегда слепа!

Русская девчонка в танце
извивается, вращает –
всем, что может сотрясаться
под авральный барабан...
Ведь она последним шансом
танец живота считает,
за который, может стать,
ей достаток будет дан.

На родине

Время горя на Кавказе!
Вдоль ущелья Кармадона,
раздвигая мощью скалы,
вниз обрушился ледник.
Словно кто-то черный сглазил
процветанье Иристона¹.
Биться сердце перестало
под неслышный детский крик...

Шапку льда с вершин сорвало!
Астероидом разлуки –
над альпийским ярким лугом
пронеслась она в момент.
Все вокруг загрохотало
от камней стирания звуков...
Уаиг² прошелся плугом,
завершив эксперимент.

Толщиною в сотни метров,
будто Колесо Балсага³,
растирал ледник селенья
на молекулы судьбы...
Жизням краткий срок отмерив,
не прошедшим и полшага, –
без мольбы, без сожаленья,
без расходов на гробы.

¹ Осетия (осет.)

² В мифологии – циклоп-великан (осет.)

³ мифологическое существо в виде колеса (осет.)

Плачут горы, как и прежде,
от безудержной стихии,
поглощающей бесстыдно
все живое в зоне бед.
Остается миг надежды,
что промчатся дни лихие...
И, быть может, станет видно,
что включился дальний свет...

Что Батрадзы и Сосланы⁴
с небожителями дружат,
не склоняя вниз коленей,
не сгибая мощных спин.
Что дзуары⁵ и аланы
в бесконечном симде⁶ кружат –
без вражды, без словопрений,
с жаждой славы осетин!

На пляже

На пляже утром рано
не так палит и жжёт,
блестящим перламутром
от моря свет плывет...
Он освещает лица,
смывая ночи след,
не устаешь дивиться
на пляжный винегрет.

⁴ Мифологические богатыри (осет.)

⁵ Мифологические духи-покровители, небожители (осет.)

⁶ Осетинский круговой танец (осет.)

Вон – немка, или шведка –
баскетболистский стиль,
с ногами в виде веток,
похожа на костыль.
Две плоские морщинки
раскрыв взамен груди –
пугающей картинкой
лежит между людей.
А рядом – муж, как мальчик,
начесан кок густой,
рисует, красавчик,
но, видно, – голубой.

А вон – две лесбиянки
целуются рот в рот.
Конечно, иностранки,
их черт не разберет.
Одну зовут Алиса,
другую звать Николь.
Судьба, как биссектриса,
их разделила вдоль.
Бормочут по-французски
про что-то про своё,
но хочется по-русски
сказать им: «Ё- моё!»

* * *

Сбежав от векового недуга
из тех краев, где правит алкоголь,
влюбившись до беспамьтства друг в друга –
сидят вдвоем Алиса и Николь.

В придуманной судьбе, иль в настоящей,
но, будто в эротическом кино,
они сплетались нежностью, кричащей
о том, что им иного не дано.

Так чем же вам мужчины насолили?
Зачем в глазах такая грусть и боль?
Не потому ли обо всем забыли
любовницы Алиса и Николь?

Коль захотите, с вами будет третий,
найдется и четвертый, дайте знать!
Но вы улыбкой это утро встретьте
и к морю приходите загорать!

Любить – всегда нужней, чем ненавидеть!
А в душной шарм–эль–шейхской пустоте –
никто ничем не сможет вас обидеть
и упрекнуть в любви неправоте.

* * *

Московский повар Коля –
широкая душа!
Пьет джин и водку вволю,
надежно, не спеша.
Усы топорщит рьяно,
улыбка в полный рот,
от бара без стакана
ни в жизнь не отойдет!
Его жена Светлана
светла, крупна, умна,
И может утром рано
«махнуть» бокал вина.
А что сказать про пиво?
Его без меры пьют –
так просто, для отрыва
от тягостных минут.

А в баре – наш коллега
из Витебска сидит
и кое-что без смеха
соседкам говорит.
Бутылку – не обидит,
а выпьет за Союз,
все в нужном свете видит
Василий – белорус.
Про «Тиволи» расскажет,
на танцы пригласит,
но как с обеда «вмажет»,
так в баре и висит.

Он может под наркозом
принять удар под глаз,
уткнуться в чашку носом,
и песни спеть для нас.
Но он – мужик нормальный,
не жадный, не пустой,
по жизни экстремальной –
на службе не простой.
«Полтинник» стукнет скоро,
когда настанет май,
но с молодым задором
Василий пьет... не чай.
Переключив каналы
с «работы» на «отрыв»,
он – главный запевала
и к ужину призыв.

Ибрагим–оглы

Оранжевой зарей пустыни
подсвечена морская тишь...
На глубине бездонно синей,
как будто в космосе летишь...
Пятнистых, красных и зеленых
мелькает рыб волшебный рой,
риф надвигается горой,
коралловой судьбой возвращенной...
На плечи давит солнца луч –
оттуда, где не видно туч.

В подводном бессловесном мире,
чутьем испытанным своим –
знал закоулки, как в квартире,
купальщик истый – Ибрагим.
Усов чернеющая щетка,
стальная цепкость крепких ног,
грудная клетка в полный вдох,
он был для рифов, как находка.
В свои молодые двадцать пять –
умел и плавать, и летать...

Под солнце вынырнув, как пробка,
в сухой, палящий, терпкий жар,
поплыл на пляж, легко и ловко,
где виделся всегдашний бар.
А там его ждала Татьяна.
Жена? Подруга? Нам то что?!
Как танцовщица – без изъяна,
на все, как говорится, сто!
Полна эротикой природной,
достойна славы всенародной.

Загар, под солнцем бронзовея,
по узкой талии скользил,
огнем пылающим повеяв,
на бедра вдруг переходил...
Где от купальника полосы
от солнца скрыли кожи свет,
сказав загару: «Нет и нет!»,
живот приоткрывался плоский...
На нем «венерин бугорок»
был в меру низок и высок.

В египетской, синайской сказке
внезапно забурлила страсть,
нырнув в которую без маски –
хотелось запросто пропасть.
Они сплетались с Ибрагимом
то нежным взглядом, то тайком
свивали кисти рук клубком –
столь долгожданным и любимым.
Что значит молодости бред?
До старости горящий свет!

У Ибрагима и Татьяны
светившихся сияньем чувств –
среди публики, немножко пьяной,
но чуткой к сполохам искусств,
была, как видно, сверхзадача –
на отдыхе друг с другом быть
двузначием: игла и нить,
а расставаться – то не плача,
без лишних и обидных слов,
к которым этот мир готов.

Они в постели преуспели!
Отель дрожал по пять часов,
крича о достижениях цели
неясным всхлипом голосов.
Казалось, что вот-вот свершится
слияние судеб их – в одну,
звучанье струн – в одну струну,
и время общее помчится...
Но век перемещенья тел
«сбыт» этих «мечт» не захотел!

Седой и, видимо, богатый –
супруг Татьянин прилетел,
весь, будто слеplенный из ваты,
жирен, слащав и мягкотел.
Обделав в США свои делишки,
имея фирменный «общак»,
решил заехать просто так
потратить времени излишки,
каирским рейсом в этот край –
коралловый потрогать рай.

А что прекрасная Татьяна?
Попробуй, кто – ее узнай!
Она, проснувшись утром рано,
несет в постель супругу чай.
Скромна, мила до отвращения,
глаза к коленям опустив,
все, что блистало, то – прикрыв,
как воплощенное прощенье
грехов от Евы – в наши дни...
Синаем списаны они!

А Ибрагим тоску-кручину
все дальше в море загонял,
ныряя в синюю пучину,
как фиолетовый коралл.
В вечерние часы на пляже
запрет купаться – презирал,
от игл ежей морских страдал,
но прекращать не думал даже
родниться с морем и луной,
дружиться с каменной стеной...

При встрече с ним Татьяна блекла,
молчала, глядя на простор,
который даже в злое пекло
звучал, как многоваттный хор.
Муж посылал ее за пивом.
Она послушно шла туда,
где и напитки, и еда
в орнаменте сплелись красивом,
несла стаканов пенных лед
хозяину своих забот.

И вот однажды – нет Татьяны.
И Ибрагима тоже нет!
Один супруг в угаре пьяном
сидит с бутылкой тет-а-тет.
От финиковых пальм напротив –
летят плоды на зелень трав,
в стране, где дождь – без всяких прав
шесть лет отсутствует в природе,
где «чисто русская» среда...
Но вот беда – всегда беда.

Пытаясь встретиться с Татьяной,
проникнув за полночь в отель,
был схвачен Ибрагим охраной
и грубо выдворен отсель.
На шум явился муж с рогами,
олению и лосю подстать.
Он от «друзей» сумел узнать
«за все про все», соря деньгами.
Привычка старая «стучать» –
важней для русских, чем молчать.

Там, за пределами отеля,
«крутой» разборке дан отсчет...
Охрана мужа в сердце целит,
но Ибрагима прост расчет.
Он ждет намека от Татьяны –
с кем хочется остаться ей?
Коль с мужем – значит, в сердце бей!
Коль с ним – тогда упреки странны!
«Да» или «нет» – теперь пароль,
пусть жизнь и смерть – все та же боль!

Как «Хванчкара» плеснулась в снеге!
От выстрелов сверкнула ночь,
багрово-красные побеги
из сердца побежали прочь...
«Татьяна! Милая Татьяна!»
шепнули губы, искривясь,
нисколько правды не боясь,
но сожалея: «Как же рано...»
Упал на землю Ибрагим –
последним шепотом храним...

Татьяна вздрогнула, проснувшись,
пока не зная ни о чем,
к печальным снам не прикоснувшись,
но выстрела услышав гром.
Привстала в темноте постели...
В руке – ракушка. Талисман –
был Ибрагимом как-то дан
в начале сказочной недели.
Но почему же руку жжет
ракушки нестерпимый лед?

Открыта дверь пришедшим мужем.
Он видит, что Татьяна спит.
Движеньем дерзко-неуклюжим
край одеяла приоткрыт...
В руке щепоть песка зажата
да шар жемчужины блестит
на простыне его обид.
Подушка рядом – чуть примята.
Нет пульса! И дыханья – нет...
Лишь на губах кровавый след.

Как будто Ибрагим вернулся
в Татьянин мир издалека...
Он с поцелуем к ней нагнулся,
но тяжела была рука.
Прильнув к нему горячим телом –
застыла в тот же самый миг
в объятиях таких родных,
которые всегда хотела...
Тяжка двойных стандартов суть!
Любимых к жизни – не вернуть!

По-прежнему равнина моря
не знает дождевых щедрот.
Пустынный ветер из предгорий
песок кусающий несет.
Плюс тридцать три – вода «в законе».
Мелькают яхты, катера...
На рифах с раннего утра –
ныряльщики... Никто не тонет.
Воды соленость такова,
что не утонет голова.

И только прошлых дней печали
вдруг потревожат горизонт...
Умчит в не познанные дали
тебя зари горящей зонт...
Про Ибрагима и Татьяну
напомнит флейты нежный звук,
да барабана частый стук,
да бормотанье русских спяну...
Что было – то, увы, прошло!
А жизнь – прозрачна, как стекло!

2002

ПРОФИЛЬ АХМАТОВОЙ

Профиль Ахматовой, как наваждение
в мире насилия и зла,
словно ушедшего века видение
в дымке у края села.
Ночь петербургская ветрено-сизая
ей не давала уснуть,
дождик холодные рифмы нанизывал,
капли роняя на грудь.
Только писалась ей в эти мгновения
чувственность теплая слов.
Может, с небес доходило прозрение?
Может, шептал Гумилев?

Носом с кавказской знакомой горбинкой
чуяла правду она...
С каждой на сердце упавшей дождевой
близилась сказочность сна.
Только напрасно надежда лелеялась –
счастье увидеть свое.
Все, что любилось, по ветру развеялось,
вмиг опустело жнивье.
Только остался на лунности матовой
четкий и вечный абрис –
незабываемый профиль Ахматовой,
свежий, как утренний бриз.

2002

ЦЫГАН

Цыган – всегда цыган,
судьбой своей крещенный.
Когда он в меру пьян –
он в меру молчалив.
Налей-ка мне стакан
знакомый и прощенный,
как карточный обман,
как таборный мотив...

И – пускай пролетят юбилеи,
не затронув тебя в этот час!
Будто ветер по гулкой аллее –
мимо нас, мимо нас, мимо нас!
Пусть года прибавляются слепо,
но они пронесутся сейчас,
словно кони на скачках в Прилепах,
мимо нас, мимо нас, мимо нас!

Цыган – всегда игрок
по жизни и на сцене.
Но наступает срок –
и мудрость настает.
Гитары говорок
веками люди ценят,
как вольности урок,
в котором все поет!

И – пускай пролетят юбилеи,
не затронув тебя в этот час!
Будто ветер по гулкой аллее –
мимо нас, мимо нас, мимо нас!
Пусть года прибавляются слепо,
но они пронесутся сейчас,
словно кони на скачках в Прилепах,
мимо нас, мимо нас, мимо нас!

Девчонок – полон дом,
а в результате – внуки.
И ты уверен в том,
что это – к счастью путь.
Гремит весенний гром!
В объятьях крепнут руки!
А мы с тобой споем,
в чем нашей жизни суть!

И – пускай пролетят юбилеи,
не затронув тебя в этот час!
Будто ветер по гулкой аллее –
мимо нас, мимо нас, мимо нас!
Пусть года прибавляются слепю,
но они пронесутся сейчас,
словно кони на скачках в Прилепах,
мимо нас, мимо нас, мимо нас!

2002

* * *

Наш друг уехал в Сочи –
на отдых, как всегда...
Погода там – не очень,
с небес течёт вода.
Морские волны тоже
на берег норовят...
Штормит судьба, но всё же
за друга – каждый рад.

Пушай он загорает
и днём, и на заре,
а ночью отдыхает
на чьём-нибудь бедре...
На сдвинутых кроватях –
простынная жара.
Пушай он акробатит
с подругой до утра!
За то, домой вернувшись,
не курит, и не пьёт,
от важных дел – согнувшись,
моральный пост блюдёт!
Вокруг – друзья, подружки,
но – кремню он подстать
(полупустые кружки –
любитель поднимать).
Он стол накроет с блеском,
друзей поддержит рёв,
им наливает с плеском
стаканы до краёв.
Но сам – душою в Сочи,
и телом – тоже там,
блуждая, между прочим,
по сочинским кустам.
Как Штирлиц, он скрывает
свою двойную суть,
но каждый день мечтает
куда-нибудь нырнуть!

2002

СЕСТРЕ

Забудь, моя сестра,
 про тяготы мирские!
Их избежать – невмочь,
 их привлекать – нельзя...
Не признавай молву
 и сплетни городские!
Их унесет зима,
 по памяти скользя...

Давай, сестричка, пить –
 хмельные чувства наши!
Они не подведут,
 не бросят враз и вмиг...
Вот только где найти
 две праздничные чаши,
В которые вдвоем
 вольются мысль и стих?

Прости, сестра, за то,
 что видимся мы редко!
За то, что я увяз
 в трясине дел пустых!
Вокруг свободы слов –
 судьбы стальная клетка...
Есть сила рук и ног,
 но – кандалы на них.

Сестренка, не грусти!
Слезинку спрячь на место!
«Все будет хорошо!» –
девиз и твой и мой.
Всегда в любви друзей,
прекрасна, как невеста!
Пусть не страшит тебя
вампиров волчий вой!

Люблю тебя, сестра!
Ты – золотая дива!
Пусть зимняя пурга
несется над землей!
Ты на расцвете лет
модна, умна, красива,
и в этот день и час –
я счастлив! Я – с тобой!

2002

ОТДЫХ НА ОКЕ

Дышится, радостно дышится
свежестью хвойной струи.
Двигается, медленно движется
отпуск – один на троих.

Утренним бегом раздышанный,
вспаренный солнечным жглом,
громко, чтоб черти услышали,
плюхаюсь в окский проём.

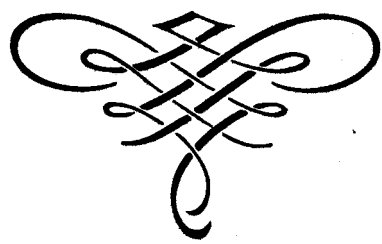
Водная стужа отхлынула,
жару телес уступив.
Сдвинула, ветрено сдвинула —
речка объятья свои.

Воды вскипели пузырьчато,
пенной пивной изойдя...
В небе под облаком дырчатым
зрела угроза дождя.

2002

A decorative rectangular border with intricate floral and vine patterns, featuring small leaves and scrolls at the corners and midpoints.

ЧАСТЬ III
ШАМПАНЯТСЯ
СЛОВА



А. Г.

Пусть говорят про возраст что угодно
все те, кому по жизни не понять,
что есть джигит с признанием всенародным,
которому лишь два по тридцать пять!

Он – навсегда в научных изысканьях.
Изъездил много зарубежных стран.
Замечен был – во всех почетных званиях.
И дело в том, что это – Гаспарян!

Его душа, как прежде, молодая –
зовет родных, коллег и молодежь.
Всех добротой армянской обнимает,
друзьям его поздравить – невтерпеж!

Кавказское лицо с московским взглядом.
И – не при чем алмазный юбилей!
Пусть с гор далеких льются водопады
так долго, как захочет Водолей!

Его портфель профессорский наполнен
научными трудами – только так!
Но мы ему про истину напомним:
всегда в портфеле должен быть коньяк!

В дни торжества, когда звенят бокалы,
пускай Всевышний осеняет нас!
И, сколько бы не жить, пусть будет мало!
Ровесником – Вам должен быть Кавказ!

2002

К ЮБИЛЕЮ ВОЛКОВА–ЧЕРНСКОГО

Удивляет погодой
февраль–Водолей:
льется дождь, сыплет снег,
то тепло, то морозно.
В окна жизни стучит
золотой юбилей.
Знать, полвека прошло.
Это – очень серьезно!

Раньше – званья давали
«графьям» и князьям:
Италийский и Рымникский,
или Смоленский...
Но районный глава –
звание выиграл сам:
если – «Волков» пишу,
значит, думаю – «Чернский»!

Здесь, на чернских раздольях, –
серьезный народ!
Мал район! Но велик он
своим содержанием!
Много терпит, работает,
лучшего ждет,
верит в тех, кто способствует
этим желаньям!

«Править крепкой рукой
и широкой душой,
добиваясь победы
на фронте событий!»
Этот чернский девиз
стоит жизни большой.
Виктор денно и ночью –
всегда победитель!

Пусть ему повезет
на хороших друзей!
На соратников в деле,
и в отдыхе – тоже!
Неизбывной удачей
грядет юбилей!
Ну, а выпить до дна,
мы, конечно, поможем!

2002

В. С.

Держат крепко шпаги мушкетеры
с детских лет до пенсионных дней,
Вспоминая дружбу – ту, которой
не бывает крепче и верней.

Обухов – Атос, Портос – Ананьев,
Кириченко – явный Арамис,
а Степанов просто «д'Артаньяньев» –
шесть на десять по весне сюрприз.

Пусть ему сегодня отстучало
шесть десятков беспокойных лет!
Каждый юбилей – всегда начало,
лишь конца у юбилея – нет!

Он такой, Степанов, – вдохновитель
дружеских, хмелящих небо встреч!
И небезызвестный покоритель
дамских юбок, и сердец, и плеч...

Он знал когда-то даже Пуго.
Жаль, что тот – Степанова подвёл.
А Валерий честно, без испуга,
избранным путём по жизни шёл

В гору лез, катился по оврагу...
Только, что былое вспоминать?
За карьеру, как и за бумагу,
жалко грошик ломаный отдать.

Местным казначейством управляя,
взял друзей под «дружеский» колпак.
Строгостью чиновничьей пугая,
но и помогая – только так!

Тезка и сосед его – Бродовский
через стенку дружбу проложил.
Был бы жив Иосиф Михайловский –
про Валеру песню бы сложил.

Одаренный смёткою природной,
он уже в историю вошёл
вечной строчкой в памяти народной,
как КПСС и комсомол!

Наша жизнь – на рубеже событий,
и тысячелетий, и веков!
В ней немало сделано открытий –
и бутылок, и хороших слов.

Все, что с нами было – то и было!
Ничего не будем забывать!
И, покуда сердце не остыло, –
надо это дело продолжать!

2002

К. С.

Если клинышком борода,
если искры из зрачков –
значит рядом, как находка,
академик Судаков!

Упорядочив мгновенья
в виртуальный сериал –
голографию мышленья
юбиляр на днях создал!

В ближнем космосе витая,
задавая нужный тон,
повсеместно он внедряет
чисто русский «Санатрон».

Принцип информационный
построения систем
был когда-то вне закона,
а теперь – известен всем!

Успевает умудриться
в нашей жизни волновой –
обобщать, учить, учиться,
быть опорною волной!

Пусть работа не остудит
им взлелеянный талант!
А для нас понятным будет
мысленный системоквант!

«Рыбных» – множество фамилий,
но поклясться я готов,
что они в желе застыли
от «фамильи» – Судаков!

Он на «ты» с болезнью царской.
И подагре вопреки –
в старой дружбе с доброй чаркой,
как шепнули мужики.

«Судаковку» на рябине –
говорят, признал «Кристалл»,
темно-сказочным рубином
наполняя ваш бокал!

Зарастет былье коростой,
станет он совсем седым,
только знаю, как непросто
позабыть ему Надым!

Смесь муксуна с олениной
(не российский винегрет!) –
пусть останутся картиной
пролетевших мимо бед!

Разве возраст – семь на десять?
Только – два по тридцать пять!
Если он по дальним весям
мчится лекции читать!

Виноградную улитку
водрузил на пьедестал!
В космос otvorил калитку!
Нас на юбилей позвал!

Семь десятков просвистело!
Дней в неделе – тоже семь!
Две таких больших недели
пережить желаю всем!

Лет сто сорок – и не мене!
Только – с нынешнего дня!
Встретимся на этой сцене!
Не забудьте про меня!

2002

И. Б.

Как будто бы вчера случилось это,
но с той поры – уже прошло шесть лет,
когда гуманитарным факультетом
прирос известный университет.
Батанина Ирина, дочка Саши,
возникла из глубин ЦСГО¹,
преобразила в факультет его,
завоевав сердца и души наши.
Так вспышка алой розы – в тот же час
из будней – в праздник переносит нас!

Есть психиатры в маленьких больницах:
кто с ключиком... кто с галстуком... в пенсне...
С профессией во взглядах и на лицах –
листают жизнь в каком-то смутном сне.
Нелегкий груз упал на ваши плечи,
известен всем – единый наш удел!
Политик – тот же псих (от разных дел),
а политолог – врач, который лечит!
Гуманитарно-значимый эффект –
полетом мысли залатать дефект!

¹ Центр социально-гуманитарного образования

Но в феврале – особенная дата:
Бурлит и торжествует Водолей!
Все потому, что где-то и когда-то –
в сегодня был заложен юбилей!
Деканы – эти суперджентльмены –
про возраст – никогда не говорят!
Но спорят (пятьдесят на пятьдесят),
что этот Ваш дебют – начало сцены!
Так пусть подольше длится первый акт
и ни к чему ценителям антракт!

Декан, профессор, доктор, академик!
Как эlegantна, женственна, умна!
Ей не хватает – нобелевских денег,
да вот еще уменья пить до дна!
Пусть играет музыка удачи!
Пусть будет все, что хочет в этот миг:
иметь, уметь, достичь вершин иных!
Но только с нами! И никак иначе!
У всех бокалы, кажется, полны!
За юбилей в преддверии весны!

2002

О. Л.

Охоты всякой знаем сроки!
Не зря дожили до седин.
Я заряжаю словом – строки,
а ты патроном – карабин.

В прицеле верном видим, вроде,
натуру всякого зверья.
Ты – зверя дикого в природе,
а в человеке зверя – я!

Перед охотой, есть обычай,
желать: «Ни пуха, ни пера!»
Чтобы бесспорно быть с добычей –
вставай на номер! И – «Ура!»

Пусть переменчивость погоды
усилит праздничный настрой!
Пусть сединой пугают годы!
Привет, две тысячи второй!

Сегодня – срок для поздравлений.
Твое рождение славим мы,
желая творческих свершений
в день завершения зимы!

2002

В. П.

Виктор Федорыч Пахомов!
Не волнуйтесь, дорогой!
Я в Черни и Туле – дома,
все такой же, не другой!

Пушкин, Лермонтов, Тургенев!
И, конечно, Лев Толстой!
Что ни человек – то гений!
И – великий! И – простой!
Ни один из них, я знаю,
не был принят в ваш «Союз».
Но они, подозреваю,
не могли прожить без муз!
Я, не скрою, тоже – скромн,
и «Союза» я не член!
Значит, в чем-то – им подобен:
жду в застое – перемен!
А в застолье – жажду тостов,
да вниманья муз и дам.
И за это, очень просто,
все регалии отдам!
Выдать членские билеты –
надо чернским! Очень ждут!
А какие наши «леты»?
Без билета отнесут!
Виктор Федорыч Пахомов!
Председатель и поэт!
Хорошо, что мы – знакомы!
Плохо, что билета – нет!

2002

А. Н.

Прочней железа и бетона
застольной дружбы мощный блок –
без лишних слов и пустозвона,
но тостов в нем шумит поток!

Не потому, что водки много,
а потому, что тесен круг!
Для нас – единая дорога
сквозь поле бранное вокруг!

Пусть рвутся впереди снаряды!
Себя в походе – не жалея!
Чтоб обойти разрывы – надо
идти – чем дальше, тем кучней!

Нам свыше дан зигзаг удачи,
но он за всё, про всё – один!
Покров небес от взрывов спрячет
лишь тех, кто мыслями един!

Ну, а сегодня, друг Неделин –
налить по полной не забудь!
Пирог судьбы для нас – не делен!
За общий и счастливый путь!

2002

ЦНИИСУ – СОРОК ОТСТУЧАЛО ...

Сегодня – день хороший на Пречистенке!
ЦНИИСу – сорок! Значит – юбилей!
В Москве снега октябрьские расчистили,
с трибуны льётся добрых слов елей!

Безруков и Леонтьев с Ипполитовым,
с Рогинским... а за ними – юный клин...
Летят по трассе яркими болидами,
ну, как Шумахер в «Формуле – 1».

Науки глубина – за каждым действием!
Десятки лет – под тяжестью креста.
Наградой им – людское благоденствие,
да лиц спасённых – свет и красота

За сорок лет – немало наворочено
в науке, в жизни, да и просто так...
Но вот друзья вздыхают озабоченно –
ведь сорок – крепость водки! Свыше знак!

А, значит, будет выпито немерено.
Хватило бы здоровья докторам,
чтобы в фуршетный зал войти уверенно,
а уж потом – хоть трам, хоть тарарам!

Пусть мчатся годы, как в вагоне литерном!
До полувека – целых десять лет!
ЦНИИСу быть в стране и мире – лидером
и образцом свершившихся побед!

2002

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. Воспоминаний ветерок	3
ЧАСТЬ II. Зигзаги мыслей пустяковых..	69
Заметки в сочельник	71
Что–ты? Что–ты? Что–ты?	72
Два перстня	73
Сурдокамера	75
«Так что же все-таки больница?...»	76
Тенденция парадоксальных эмоций	77
«Я – из «тварного мира»...»	78
М.З. Шуфутинскому	79
В Берлине	80
Домик в деревне	81
Пленэр	83
Вновь нестерпимая жара	84
Обоюдоданность	85
«Бушует Эльба, заливая...»	87
Шарм–Эль–Шейхские заметки	88
Профиль Ахматовой	107
Цыган	108
«Наш друг уехал в Сочи...»	110
Сестре	112
Отдых на Оке	113

ЧАСТЬ III. Шампанятся слова	115
А.Г.	117
К юбилею Волкова – Чернского	118
В.С.	119
К.С.	121
И.Б.	124
О.Л.	125
В.П.	126
А.Н.	128
ЦНИИСу – сорок отстучало	129

Литературно-художественное издание

А.Хадарцев

ИЗВЕЧНЫХ ИСТИН ВОДОПАД

Подписано в печать 01.11.02 г.

Тираж 250 экз. Заказ № 1759

Отпечатано с оригинал-макета в Государственном
унитарном издательско-полиграфическом
предприятии «Тульский полиграфист»
300600, Тула, ул. Каминского, 33